РАВИЛЬ БИКБАЕВ

ГОРЯЧИЕ ТОЧКИ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

25-летию ВЫВОДА СОВЕТСКОГО КОНТИНГЕНТА ПОСВЯЩАЕТСЯ

Горячие точки. Документальная проза

Равиль Бикбаев

56-я ОДШБ уходит в горы. Боевой формуляр в/ч 44585

«Центрполиграф»
2014

Бикбаев Р. Н.

56-я ОДШБ уходит в горы. Боевой формуляр в/ч 44585 /
Р. Н. Бикбаев — «Центрполиграф», 2014 — (Горячие точки. Документальная проза)

Вещь трогает до слез. Равиль Бикбаев сумел рассказать о пережитом столь искренне, с такой сердечной болью, что не откликнуться на запечатленное им невозможно. Это еще один взгляд на Афганскую войну, возможно, самый откровенный, направленный на безвинных жертв, исполнителей чьего-то дурного приказа, – на солдат, подчас первогодок, брошенных почти сразу после призыва на передовую, во враждебные, раскаленные афганские горы.Автор служил в составе десантно-штурмовой бригады, а десантникам доставалось самое трудное… Бикбаев не скупится на эмоции, сообщает подробности разнообразного характера, показывает специфику образа мыслей отчаянных парней-десантников.Преодолевая неустроенность быта, унижения дедовщины, принимая участие в боевых операциях, в засадах, в рейдах, герой-рассказчик мужает, взрослеет, мудреет, превращается из раздолбая в отца-командира, берет на себя ответственность за жизни ребят доверенного ему взвода. Зрелый человек, спустя десятилетия после ухода из Афганистана автор признается: «Афганцы! Вы сумели выстоять против советской, самой лучшей армии в мире… Такой народ нельзя не уважать…»

© Бикбаев Р. Н., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Об авторе 6
Предисловие 7
Часть первая 9
Афганистан. Провинция Кундуз 11
СССР – РСФСР. 1980 год нашей эры 35
Литовская ССР. Гайджунай. П/о Рукла, в/ч 42227 36
Конец ознакомительного фрагмента. 46

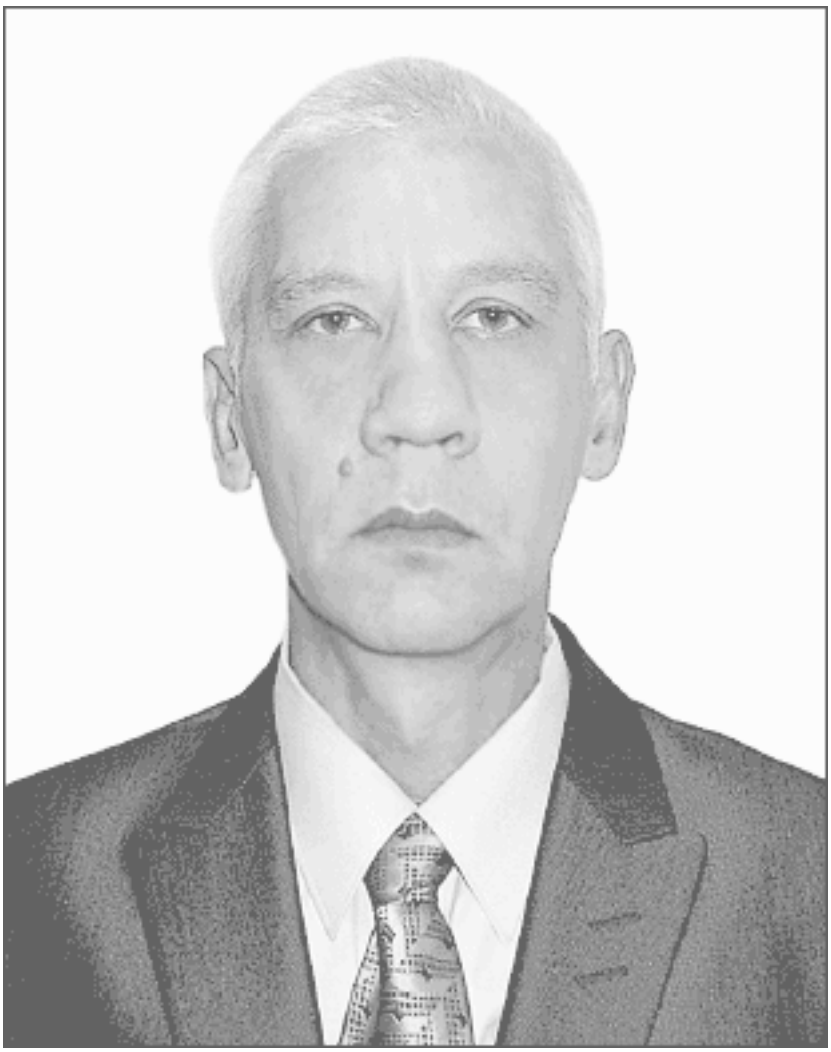
Равиль Бикбаев
56-я ОДШБ уходит в горы
Боевой формуляр в/ч 44585

Оформление художника Е. Ю. Шурлаповой

© Бикбаев Р. Н., 2014
© ООО «Рт-СПб», 2014
© ЗАО «Издательство Центрполиграф»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Об авторе



Бикбаев Равиль Нагимович.

До призыва в Вооруженные силы и после окончания средней школы работал слесарем на заводе, матросом-мотористом на танкере. Призван в 1980 г. Гайджунай, Литовская СССР (301 учебный парашютно-десантный полк май – октябрь 1980 г.). Афганистан (56-я Отдельная десантно-штурмовая бригада, ноябрь 1980 – май 1982 г.). Звание: младший сержант; награды: медаль «За боевые заслуги».

В настоящее время живет в городе Астрахани. Юрист. Член Союза Писателей РФ.

Солдатам и офицерам 56-й гвардейской отдельной десантно-штурмовой бригады и в их числе моим товарищам – бойцам и командирам первого парашютно-десантного батальона посвящаю

Предисловие

Сразу хочу оговориться: хотя приведенные здесь данные об операциях взяты из документа, но это не документальная повесть. Это художественное произведение со всеми недостатками и достоинствами этого жанра. Повесть написана от первого лица, но, хотя автор и служил в 1-й ПДР 301-го ПДП и 2-й ПДР 56-й ОДШБ, это не означает, что автор и литературный образ – это одно и то же лицо.

Если эту повесть прочитают ребята, которые служили вместе со мной, то, безусловно, они легко узнают всех героев этой книги. Многие из них живы и здоровы по сей день, и поэтому я меняю их имена, фамилии, звания.

И еще… это была война, и мы все на ней были далеко не ангелами и совсем не образцовыми героями. Осталось только добавить, что эта повесть не исповедь и мне не нужно отпущение грехов.

Часть первая
Кундуз

413

Афганистан. Провинция Кундуз 1981 год от Рождества Христова 1402 год по хиджре – мусульманскому летоисчислению

А если что не так – не наше дело!
Как говорится, родина велела.
Как просто быть невиноватым
Совсем, совсем простым солдатом…

Б. Окуджава

Выписка из боевого формуляра в/ч 44585[1]

пп.	Время проведения	Привлекаемые подразделения	Район боевых действий	Примечания автора
20	26.09.1981–04.10. 1981	1-й ПДБ	Афганистан, Файзабад	Боевые действия велись совместно с 860 ОМСП

– А-а-а-а, ма… ма… мамочка, как больно… – истошным воплем заходится Семка Давыдов.

Му́кой искривилось круглое, мокрое от пота лицо, перебита артерия на ноге, хлещет из раны кровь и черными мокрыми пятнами расползается по заплатанным выцветшим штанам.

Не зови маму, солдат, не поможет она тебе, там, далеко, дома, молится она за тебя. Нет тут твоей мамы, а есть мы, твои товарищи, и, наложив жгут чуть выше раны, колет тебе лежащий рядом санинструктор очередной тюбик промедола[2], но не снимает он боль в раздробленной разрывной пулей дрожащей ноге, и ты, плача, кричишь:

– Мама! Мамочка… помоги…

Афганистан. Горный массив под Файзабадом, третий день боевой операции, время где-то около полудня. Нашу выдвигающуюся впереди батальона роту зажали в горах. Солнце жжет яро, жара невыносимая, теней почти нет. Мы на горной тропе как на ладони, бей не хочу. Пятеро у нас раненых, двое тяжелых. Отстреливаемся, да что толку, бьют по нам «духи» с господствующей высоты из пулеметов, укрыться почти негде, еще пару часов – и все, не будет больше нашей роты, все тут поляжем.

---

[1] Боевой формуляр 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады – в/ч 44585. Документ, в котором отражены задачи, выполняемые воинской частью. В данной повести в формуляре указаны только те боевые действия, в которых участвовал первый парашютно-десантный батальон. Указанные операции входили в месячные планы, утвержденные командующим 40 А. Реализация разведывательных данных по согласованию со штабом 40 А, операции по сопровождению колонн, боевые выходы на внезапно возникающие задачи не отражены.

[2] Промедол – сильнодействующее обезболивающее средство. Один шприц-тюбик промедола входит в индивидуальную аптечку.

Не переставая, надсадно воет Семка, командир расчета АГС-17 «Пламя»[3], и все трясется и трясется у него разбитая на мелкие косточки нога, чуть дальше от него хрипит истекающий едким, вонючим потом раненный в грудь Мишка Старков и просит:

– Воды, дайте воды!

Нет у нас воды. Давно уж выпили. Пустые фляжки. И тихонько уговаривает Леха лежащего за камнем раненого:

– Нельзя тебе, Миша, воды, потерпи.

– Да пошел ты на х..! – матом орет весь посеревший от потери крови Мишка и задыхается от крика, кровь пузырями изо рта пошла.

Я от них в трех метрах лежу, вжался в землю, за камни голову прячу. Весело, тоненько посвистывают пульки. Слушая их посвист, машинально отмечаю: не моя, не моя. Год я уже служу в Афгане, вот и знаю, что свою пулю не услышишь. Раз посвистывает, значит, не моя. А чья?

– Твою мать! – слышу полное злобы и боли матерное ругательство. Оглядываюсь: ранен Сережка Ольжин.

– Куда тебя?

– В ногу, – хрипит Серега, и тут же: – Ты ко мне не лезь, сам перевяжу. – Сморщившись, советует: – Меняй позицию, пристрелялись к нам.

Сил нет вопли и крики раненых слушать, помочь-то ничем не можешь, даже вынести их нельзя. Встанешь, потащишь, тут же убьют, а позицию точно пора менять, помедлишь – подстрелят. Извиваясь, я быстро переползаю по горячим острым камням, вперед к большому валуну. Рвется выцветшее ветхое х/б[4], на лоскуты расползается. Ничего, будем живы – зашьем. За большим выщербленным камнем устанавливаю на сошках свой пулемет, прикидываю, куда стрелять, наметил. Вот ты где! Вижу, вижу тебя, гаденыш, вон ты, на противоположной горке за кучкой камней укрылся. Дзинь! Рядом со мной ударила в камень пуля. Выстрелил по мне «дух» и дальше стреляет. Фьють! Дзинь! Летят пущенные в меня пули, видит меня «дух» и бьет по мне короткими очередями из пулемета. Мимо! Мимо! Ну а теперь ты, паскуда, держись. Прицел пятьсот, огонь! На тебе – жри, падла! Длинными очередями из своего РПКС[5] веду огонь. Досыта тебя, сука душманская, свинцом напою.

Состязаемся с «духом»-пулеметчиком в смертную огневую игру. Ты меня хочешь убить? А я тебя! Огонь! Разрывая воздух, все посвистывают и посвистывают пульки. «Не моя, не моя», – по-прежнему краем сознания отмечаю я. Быстро вытер рукавом грязного х/б мокрое от соленого пота лицо. И опять: «Огонь!» Лучше я стрелял, на военном полигоне в Гайджунае учился, здесь, в Афгане, шлифовал стрелковое свое уменье. Вот и загасил его. Да, только не один он был, штук пять пулеметов по нам било, расстояние между горами – метров пятьсот, для стрельбы из пулемета самая та дистанция, убойная. А тут еще и душманские снайпера подключились. Прямо скажем, хреновые снайпера, только вести огонь все опаснее и опаснее, все ближе и ближе пульки ложатся. Не моя, не моя, пока еще не моя, брызгают в лицо каменные крошки, чуть не попал в меня снайпер, совсем рядышком с головой пуля в камень ударила, не моя. Грязной потной ладонью протираю запорошенные крохотными каменными крошками глаза и стреляю. Стреляю! Стреляю! Пока жив, стреляю. Летят выпущенные из моего пулемета пули. Свистя, летит смерть, веду я рассеивающий огонь. Прячутся за камни «духи», и дробят, щербатят горные валуны мои пули. Ствол пулемета раскалился, плюнь – зашипит, уже три

[3] АГС-17 «Пламя». 30-миллиметровый автоматический станковый гранатомет, скорострельность 350–400 выстрелов в минуту, оптический прицел имеет трехкратное увеличение. Площадь поражения одной гранаты (ВОГ-17М) – 9 кв. метров.

[4] Х/б – хлопчатобумажное обмундирование военнослужащих срочной службы. Осенне-зимнее х/б – гимнастерка (китель) и брюки галифе. Весенне-летнее х/б – гимнастерка (китель) и брюки навыпуск под ботинки.

[5] РПКС-74 – ручной пулемет Калашникова, десантный вариант с откидным прикладом. Калибр 5,45 мм. Емкость магазина – 45 патронов.

магазина я расстрелял, всего-то за пару минут. И страха особого нет, и азарта нет, ничего нет, как оцепенела душа, безразлично на все смотришь, равнодушно, только горло от жажды сохнет. Прицел! Ловлю в прорези прицела снайпера. Огонь! Бьет отдачей приклад пулемета, летят отстрелянные горячие гильзы. Мимо. Прицел! Огонь! И по мне уже двое стреляют, снайпер и пулеметчик. А ведь убьют они меня, господствующая у них высота, лучше заранее подготовленные укрытия, и долго мне не продержаться. Огонь! Впустую клацает затвор: нет патронов. Сменить магазин в пулемете – и опять: огонь! Убьют так убьют, да и хрен с ними, зато больше тут мучиться не буду, уйду на вечный дембель. Сверлят слух крики раненых, все свистят и свистят пульки, захлебываются ответным огнем автоматы и пулеметы расползшихся по тропе бойцов второй роты. Недолго нам, братцы, жить осталось, ох и недолго.

– Ребята! «Вертушки»!!!

Пронзительно синее осеннее небо, безоблачное от яркого, жаркого, слепящего глаза афганского солнца, три точки летят. Закладывая вираж, выходят на боевой разворот вертолеты МИ-8, а мы красными сигнальными ракетами направление им задаем. «Духи» на них огонь переносят, летят навстречу нашим пилотам огненные трассеры. Не ссыте, ребята! Мы, зажмурив глаза и схоронив за камни головы, прятаться не будем, мы вас с земли огнем прикроем. Потом сочтемся.

Безостановочный ведем мы огонь по позициям «духов», даже раненые, кто шевелиться мог, и те за оружие схватились, не даем мы им, сукам, головы поднять, не даем сбить наших ребят.

С нашей позиции хорошо слышно, как с ревом моторов, рассекая винтами воздух, пикируют на «духов» «вертушки». Первый заход – ракетами! От разрывов вскипает на огневых точках «духов» земля, летят вразброс камни. Дрожит от разрывов чужая земля. Так их, братцы! Задайте им! Взмыли вверх машины, развернулись, и на второй заход – бьют из авиационных пушек и пулеметов. Будете знать, сучары душманские, как мы воевать умеем!

Спасибо, летуны! Спасибо вам, братцы! От всей роты спасибо! За то, что спасли вы нас, за то, что увидели мы своих матерей. Не полегла в том бою наша рота, дальше по горам пошла.

А броня на «вертушках» слабая была, насквозь эту броню пуля из ДШК[6] пробивала. Сбитые, заживо горели экипажи в своих машинах, погребальными кострами догорали на земле. Не мед и у летчиков служба была.

Подавили вертолеты огневые точки. С камнями, с железом и огнем смешаны позиции «духов». Оставшиеся в живых моджахеды перебежками уходили от разрушенных укрытий. Через прорезь прицела хорошо видно, как, пригибаясь под нашими пулями, вразброд бегут вооруженные, одетые в разномастные халаты люди. И падают, падают под нашим беспощадно точным снайперским огнем.

– Подрань-ка одного, нам язык нужен! – перекрывая грохот стрельбы, кричит мне лежащий рядом командир взвода, лейтенант Петровский. Скривилось в ожесточенном азарте его загоревшее скуластое лицо, потрескались от жажды губы, и опять, срывая пересохшие голосовые связки, он кричит мне:

– Языка давай!

Я прицелился. Из штатного и такого родного РПКС-74 я стрелял лучше, чем из снайперской винтовки. Выстрелил одиночным. Потом короткой очередью. Цель поражена. Моджахед на бегу упал, пуля перебила ему ногу. К нему на помощь бросилось два «духа», отсек их очередями. Боец из моего взвода, рослый, наголо стриженный, загорелый Филон с автоматом наперевес, матерым волчарой кинулся брать языка, я его прикрывал огнем. Филон взял, ловко скрутил и на горбу, задыхаясь и матерясь, притащил пленного. Бой закончен. Остатки разгром-

[6] ДШК – пулемет Дегтярева-Шпагина крупнокалиберный. Калибр 12,8 мм. По лицензии ДШК производился в КНР. ДШК в качестве тяжелого вооружения часто использовался отрядами душманов.

ленной духовской засады бежали, кто не успел бежать, бесформенными грязными мешками лежат там… в горах, там, где они хотели убить нас. А мы, кто живы, кто не ранен, сгрудились вокруг афганца. У нас не лица, а искаженные злобой и напряжением минувшего боя маски. Пленный, тяжело дыша, постанывал. Немолодой уже мужик. Кровью, грязным потным телом от него так воняло, хоть нос зажимай. Нет у нас к нему жалости, милосердия нет, а вот наши убитые и раненые товарищи есть.

– Заткни пасть! – кричит «духу» мой друг, смуглый плотный узбек Леха, и жестким коротким ударом бьет прямо в бородатое искаженное болью и страхом лицо.

– Прекратить! – отталкивает Леху взводный, приказывает: – Перевязать, и в штаб, на допрос.

Быстро пережали языку самодельным, скрученным из засаленной зеленой чалмы, жгутом рану (свой бинт из индивидуального пакета никто не дал: чего там, и так перебьется!) и поволокли на допрос к командиру батальона, я помогал Филону его нести. Тяжелый бабай[7] попался, все постанывал да еще вертелся в руках.

– Кто его взял? – рассматривая языка, поинтересовался немолодой сухощавый майор, комбат.

Филон небрежно кивнул в мою сторону.

– Вернемся, к медали представлю, – пообещал мне комбат, усмехнулся: – На дембель героем поедешь.

Эх, майор! Ни хрена ты не понимаешь! Да на кой мне эта медаль нужна? Просто живым домой вернуться – и то счастье. А комбат уже отвернулся и через переводчика приступил к допросу. Командиру первого парашютно-десантного батальона, майору Носторюлину уже за сорок. Для нас, восемнадцати-двадцатилетних пацанов, он уже старик. Только «батей» его никто не называл. Желчный был мужик, вредный. Карьера не задалась, в академию поступал, так три раза проваливался. Должность командира батальона и звание майора – это его потолок. Скоро его выпихнут на пенсию по достижению предельного возраста. Уволят, если в Афгане гробовой доской не накроется. Пуле плевать, в кого попадать, а душманские снайпера первым делом офицеров выстреливают. Пуля, она не дура, совсем не дура, особенно когда ее снайпер выпускает.

На допросе раненый моджахед молчал. Что с ним сделали? А вы как думаете? Правильно решили! Наш комбат решил так же.

– В расход! – коротко приказал мне комбат.

Замер, глядя на пленного, переводчик, неопределенно хмыкнул, глядя на меня, начальник штаба батальона, плотный и невысокий кореец капитан Эн, быстро повернулся ко мне спиной и стал копаться в полевой рации связист, отвел от пленного взгляд угрюмый Филон.

Я покачал головой: нет. Совесть и руки я на той войне не марал. Кровавого дерьма там и без того хватало.

– Так-с! Видно, я поторопился, обещая тебе награду, – с угрозой процеживая каждое слово, бросил комбат, в недовольной гримасе скривилось его небритое в потных разводах морщинистое лицо. – По тебе не медаль, а дисбат плачет, ничего, вот вернемся, я с тобой быстро разберусь.

И отдал ту же команду стоящему рядом с ним батальонному писарю, а писаря иной раз тоже на операции ходили. Я отвернулся, короткая прогремела очередь. Аминь!

– Ну и дурак ты! – крайне недовольно заметил мне взводный, после того как я вернулся к своим. Пришедший вместе со мной Филон уже все рассказал.

Глядя, как на приземлившийся вертолет грузят наших убитых и раненых товарищей, Петровский жестко добавил:

---

[7] Бабай – буквально: дедушка, бабай – на солдатском жаргоне презрительная кличка душмана.

– Слюнтяй! Это война! На ней свои законы!

– Я не слюнтяй, – упрямо возразил я и повысил голос: – Раненых стрелять – последнее дело. Перевязать и бросить его тут на …! И как дальше будет – не наше дело. Местные потом, если чего, подберут. Ты-то как бы поступил?

– Про дисбат, это комбат, конечно, загнул, – ушел от ответа взводный, – но имей в виду: мужик он злопамятный. Все! Закрыли эту тему. – И обращаясь ко всем лежавшим на земле и слушающим наш разговор солдатам, коротко приказал: – Все, окончен привал. Вперед!

Вот мы дальше по горам и поперли. Горка ваша, горка наша. Эх, под такую мать! Марш-марш, десантура! Вперед, первый «горнокопытный» парашютно-десантный батальон! Шевели «копытами», вторая рота! Шире шаг, третий взвод! Сколько нас осталось? В роте тридцать бойцов и три офицера, оружие: автоматы АСК-74, пулеметы РПКС-74 и ПКМ, два АГС-17 «Пламя» и один 82-миллиметровый миномет. В моем третьем взводе только семеро бойцов: Витек, Филон, Баллон, Леха, Муха, я и командир взвода лейтенант Александр Петровский. Немного. Только все уже кто год, а кто полтора в Афгане отвоевал. Битые все и службой, и войной. День за три в Афгане считают, а опытный и «битый» солдат десяток невоевавших пацанов легко заменит. Вперед, ребята, шире шаг.

Наш третий взвод передовой заставой идет. Головная походная застава – ГПЗ – это по существу батальонная разведка. Первыми мы идем. И убивают нас первыми. За ГПЗ двигаются первый и второй взвод второй роты, дальше с интервалами еще две роты первого батальона. При первой роте еще и штаб батальона выдвигается. Комбат, начальник штаба и управления взвода, связисты. Поверху, над нами, постоянно вертолет барражирует, прикрывает и ведет воздушную разведку. Место нахождения баз противника установлено агентурной разведкой и подкорректировано полученными в ходе операции войсковыми разведданными. Это если культурненько, по военной терминологии, выражаться, а если тоже по-военному, но попроще, то стукачи, что у «духов» служили за деньги, всех их базы и сдали, а пленные, которых мы захватывали, в ходе активных допросов подтвердили: точно там базы находятся, а еще и запасные есть, вот там-то и там-то. Не все языки на допросах молчали, далеко не все. Ликвидация опорных баз моджахедов и расположенных на них отрядов противника и есть цель проводимой войсковой операции.

Боевого опыта у нас хватало, и все от комбата до распоследнего еле бредущего и гнущегося под грузом мин солдатика с минометного расчета прекрасно понимали, что это туфта, а не операция. Так базы брать – что воду в решете носить, редкие крохотные капли останутся, а вся влага уйдет. «Духи», они же не дураки, совсем не дураки, у них половина полевых командиров – это бывшие афганские офицеры, учившиеся в Союзе. Да тут и гением партизанской войны не надо быть. Все просто: за нашими подразделениями постоянно ведется визуальная разведка, с опорных баз они с момента начала нашей операции давным-давно ушли и мелкими группами рассредоточились в горах. По пути следования наших рот на горных тропах ставятся противопехотные мины, за минным заграждением – засада. И пламенный привет вам, десантники, от воинов-моджахедов. Если даже не подорвался на мине, то пока разминируешь тропку, тебя из стрелкового оружия убьют. Пока все части подтянутся, пока начнется интенсивный огневой бой, «духи» уже испарились. Вот и все собственно, вот и вся тактика ведения партизанских действий в горах. Тем более они свои горы знали, а мы нет. По картам да по тропкам шли в горах на авось. Была возможность по-другому действовать? Да, была! Ночная почти незаметная высадка с вертолетов небольшой в двадцать-тридцать бойцов группы, скрытное выдвижение к базе противника, обнаружение, распределение целей. И огонь! Их больше? Так давно известно, воюют не числом, а умением. Или на пути вероятного движения противника самим в засаду засесть.

Умели мы так воевать? Да, умели, и неплохо. Не всегда «духи» в засады попадали, не всегда мы скрытно их базы брали, но уж когда получалось, то потерь у нас почти не было, а вот у

них редко кто уходил. Почему эта операция по-другому происходила? И какого, спрашивается, хера мы ростовыми мишенями в открытую днем перли по горам?

Так ведь спланирована эта операция в штабе армии. Солидно спланирована, по военной науке. Мотострелковые части, усиленные подразделениями десантников и при массированной воздушной поддержке, разгромили части противника и уничтожили его базы. Потери? Ну так это война!

Ну что, третий десантный взвод, готов умирать? А почему мы?! А потому, товарищ солдат, что другие тоже жить хотят. Кому-то же надо идти первыми. А вы? Ну что ж, ребята, судьба у вас такая. Слушай команду, третий взвод! В передовое охранение… шаго-о-ом марш!

Страшно было? Да не особенно, так, в пределах нормы. Всяких там умопомрачительных ужасов я не испытывал, легкий мандраж был. И потом, в восемнадцать-двадцать лет в свою личную смерть как-то не очень и верится, убивают всегда других. А когда придет твоя смерть, поздно уже будет бояться. Бояться поздно, а вот если сразу не убили, то молиться самый раз. Слыхал я такие крики, обращенные к Господу молитвы, от тяжелораненых, помогают они или нет, не знаю.

Ночью в горах на привал встали. Дураков по ночам в чужих горах бродить нет. Окопались. Отрыл я хорошо отточенной малой саперной лопаткой окопчик для стрельбы лежа, застелил его плащ-накидкой, камешками бруствер обложил, вот и готово солдатское ложе, и для боя, и для отдыха. Распределили дежурства. Залито оружейным маслом и вычищено оружие, снаряжены пять пулеметных магазинов, у каждого емкость по сорок пять патронов. А жрать, ребята, так охота, аж желудок сводит! По горам набродились с рассвета, сухпай давно съели, да и сухпай г… но был. Чего в него входило-то? Банка рыбных консервов «Минтай в масле» и пакет с черными сухарями. Разве это еда?

Есть выражения, которые, описывая бои, частенько используют романисты: «Застыла кровь в жилах» или «Закипела бурным потоком кровь». Бывал я в боях, вот только под огнем противника кровь в жилах у меня не стыла и не бурлила. А стыла, как это и положено по физиологии, от холода и кипела от жары. Вот и сейчас чую: просто закоченел от холода, от голода ворчит пустой желудок и кипит не кровь, а желудочный сок.

– Саш?! – из своего окопчика уже под утро перед рассветом окликаю я командира взвода, лейтенанта Петровского, и заискивающе канючу: – А можно я с ребятами в разведку схожу?

– Можно Машку за ляжку и козу на возу, – отвечает злой и такой же, как и мы, голодный офицер. Его окоп от моего всего в четырех метрах, можно разговаривать, не напрягая голос.

– Товарищ лейтенант, – меняю тон и форму обращения я, – разрешите разведку местности провести?

– Да на кой вам это надо? – лениво интересуется невыспавшийся и продрогший за ночь Петровский. Ночью в горах холодно, а у нас у всех одно х/б. – Утром и так все увидим, – продолжает он. – Я еще вечером все обсмотрел. Тут только одна тропа, по ней с утра и потопаем.

– Да жрать охота, а внизу кишлак, – напрямую говорит подползший к окопу взводного юркий маленький башкир Муха и, вздыхая, добавляет: – Курятинки бы сейчас похавать

– И лепешек горячих, – глотая слюни, добавляю я.

– Может, халатов хоть каких добудем, – размечтался подошедший и присевший рядом со мной на корточки Леха и с лютой злобой заметил: – Окочуримся мы тут, в горах. Не жрамши, без теплой одежды все передохнем.

– Приказываю вам, – дергая кадыком и с голодным блеском в глазах, говорит лейтенант, – провести рекогносцировку местности.

– Чаво? Чаво? – наклонив голову и явно придуриваясь, спрашивает Муха.

– Рекогносцировка – это русифицированный термин немецкого происхождения, от слова *Rekognoszierung,* которое, в свою очередь, происходит от латинского слова *recognosco* – осматриваю, обследую, – начинает терпеливо объяснять лейтенант Петровский. – Рекогносцировка

– это визуальное изучение противника и местности лично командиром-командующим и офицерами штабов с целью получения необходимых данных для принятия решения или его уточнения. Проводится обычно на направлениях предстоящих действий войск. В рекогносцировке участвуют также командиры подчиненных, приданных и поддерживающих подразделений, частей или соединений, начальники родов войск, специальных войск и служб…

Командир третьего взвода лейтенант Петровский увлекся, у него это бывало. Наверно, он так свое училище вспоминал, наша-то война на преподаваемую в училище тактику совсем не похожа. А может, он так о доме думал, он родом из Рязани, там же и военное училище окончил.

– Во! – обрадовался я. – Давайте с собой командующего возьмем вместе с офицерами штаба… пусть парашу солдатскую понюхают

– Вы только прикажите, товарищ лейтенант, – тихонько засмеялся Муха, – мы их мигом сюда доставим.

– Да пошли вы на хер, – устало матерится взводный, лицо у него после бессонной ночи и голода осунулось и посерело.

– Есть, товарищ лейтенант, – дурашливо отдавая воинскую честь, я прикладываю правую ладонь к головному убору, выцветшей с обвисшими полями панаме, – разрешите исполнять?!

На хер так на хер, в разведку так в разведку, а на деле так по узкой тропке вниз, к теплу человеческого жилья, к жратве, к теплой одежде. Оружие готово к бою, сами все напряжены, нервная система вибрирует, а есть все сильнее хочется, и рассветная прохлада до костей пробирает. Дрожишь, воин? Дрожу, честно говоря, зуб на зуб не попадает, только не от страха эта дрожь, от холода и голода. Пока шли, никого не встретили, повезло. Не нам, им повезло, потому как навскидку из пулемета я даже в темноте отлично стреляю. А вот и первые окраинные глиняные домики кишлачка. Тянет от них дымком и запахом печеного хлеба. Печи у афганцев во дворах находятся. Скоро рассвет, скоро призовет муэдзин правоверных к утренней молитве. А пока женщины суетятся во дворах, выпекая лепешки, лают собаки и отдаленно мычит да блеет скот в хлеву.

Раз! И по одному перемахнув через высокий глиняный дувал, мы уже в чужом окраинном дворе. Две женщины в длинных темных одеждах увидели нас, замерли. Лица такие испуганные. Одна постарше, а другая совсем молоденькая девчонка лет пятнадцати, наверно.

– Хлеба! – на узбекском языке[8] рычит им голодный и чумазый Леха.

Та, что постарше, чуть помедлив, хватает с глиняного блюда стопку теплых лепешек и протягивает. Я осторожно подхожу, беру, а точнее, вырываю из ее рук хлеб и, встав к женщинам вполоборота, запихиваю его в свой РД. Чувствую их страх, вижу, как ужас плещется в чужих черных глазах.

– Молчать! – тихо, властно командует им Леха и ведет стволом автомата от одной к другой.

Они прижались друг к другу и молчат, только все ощутимее становится исходящая от них волна, тяжелая волна парализующего страха. Это они нас боятся, нас, вчерашних мальчиков, нас, нынешних солдат чужой им армии, «гяуров». Маленький юркий Муха степным матерым лисом стремительно ныряет в курятник. Негодуя, квохчут куры, быстро ловко, как дубиной, орудует прикладом автомата жилистый и ловкий башкир. Через пару минут он выходит из курятника весь в перьях, в каждой руке по две птички, автомат в положении на грудь. Руки должны быть свободны, а то вдруг еще стрелять придется, вот Муха и подвязывает кур за ножки к своему поясному обтрепанному кожаному ремню. Оглядываемся, что бы еще прихватить. Большой двор, богатый, есть чем поживиться. Из дома выходит пожилой плотный дехканин, увидел нас – и тоже замер. Лицо у него как омертвело и губы задрожали. А потом он медленно сошел со ступеней дома во двор, закрыл женщин своим телом.

[8] В Афганистане часть населения составляют этнические узбеки.

– Никого не тронем, – тихо на узбекском языке пытается успокоить их Леха, – только еды немного возьмем.

– Не тронем, – повторяет Муха, жалко со свернутыми шеями свисают с его ремня куры.

– Аллах акбар, – невесть зачем бормочу я единственно знакомые мне арабские слова, смотрю на пытающуюся скрыться за спиной мужчины испуганную девчонку, широко и глупо ей улыбаюсь и вниз, к земле, опускаю ствол готового к бою ручного пулемета.

Муха и Леха шустро идут к выходу со двора. Я, стоя лицом к афганцам, их прикрываю, всяко бывает, могут и в спину долбануть.

Из-за спины дехканина выходит девочка, быстро, только ноги в длинной одежде путались, подходит и боязливо протягивает мне большой кусок овечьего сыра, и тут же юрк за спину к афганцу. Отец ее, наверно. Я не сентиментален, год уже отвоевал, всякого насмотрелся. Просто в горло мне что-то попало, вот и запершило. Я циничен, это просто от несущегося ко мне дыма горящей печи защипало глаза. Девочка, я же с оружием пришел в твой дом, я же… Эх, да что там говорить. А ты? Зачем ты мне подала садака, милостыню, милосердие от человека к человеку. Я же солдат, мне воевать надо, а милосердных на войне первыми убивают. Мне двадцать лет, и меня уже давным-давно отучили плакать. Я и не плачу, просто в горло что-то попало, да дым из печки все идет и идет, а я ладонью быстро вытираю глаза.

Через два часа наша рота будет прочесывать этот кишлак.

– Те самые? – кивая на дом, в котором мы побывали на рассвете, спросит командир взвода Сашка Петровский.

– Ага, – шмыгая простуженным носом, подтвердит Леха.

– Вы трое, до конца прочесывания тут оставайтесь, – распорядился взводный и, в ниточку сжав губы, нехотя процедил: – Мало ли чего…

Мало ли чего? Да знаем мы чего! Прочесывание – это почти повальное мародерство, и не только. Достаточно найти любое оружие, горсть патронов или что-то хоть отдаленно напоминающее взрывчатку, как… если очень повезет, то в плен возьмут. Только большие у нас были потери, почти не брали мы никого в плен. Вот так-то.

– Эта хибара проверена уже, – останавливаю я направлявшуюся к дому группу солдат.

– А че тогда тут стоите? – подозрительно спрашивает командовавший этой группой невысокий чернявый командир второго взвода, старший лейтенант Галиев. Он Бакинское ВОКУ год как окончил. Наркот, мародер, но не трус, далеко не трус и перед солдатней званием своим офицерским никогда не выделывался.

– Нам Петровский приказал, – угрюмо отвечает привалившийся спиной к дувалу Муха.

– Губа не дура, – раздвигает в полуулыбке тонкие губы Галиев, разглядывая двухэтажное строение. – Домик-то богатый, есть чего взять.

Была у него повадка: если дом богатый и есть чего хапнуть, то подкинет Галиев патронов в сундук к хозяину, вот тот «духом» и станет. А дальше по обстоятельствам: или просто все разграбят, а то и постреляют, чтобы некому было жаловаться. Через три дня старшего лейтенанта Галиева убьют в бою. За солдатскими спинами он не прятался. Бог ему теперь судья. А сейчас вот сию минуту:

– Лейтенант Петровский прикажет – возьмем. – Я в упор смотрю на его смуглое потное лицо, прямо в темные глаза. – А ты его приказ не отменишь!

– Я с тобой, как вернемся в часть, поговорю, – грозит мне Галиев и уходит, его бойцы за ним.

Но все это потом будет, а пока мы возвращаемся, разорвана на куски лепешка, жуем на ходу хлеб.

– Ложись, – шепчу я, одновременно делая отмашку рукой, что значит «Внимание, противник!».

Передовым я шел, зрение у меня хорошее, реакция отличная, стреляю прилично, обут в кроссовки, шаг почти бесшумный, вот и шел впереди. Остальные двигались сзади, готовые прикрыть огнем, соблюдая дистанцию пять-шесть метров, уступом, чтобы не перекрывать друг другу линию огня. Как положено, двигались, настолько, насколько позволяла ширина тропы. Почти одновременно неслышно падаем на камни. Не увидать нас на рассвете, а шли мы тихо, осторожным скрадывающимся шагом.

– Что? – тихонечко спрашивает, подползая, Муха.

– «Духи» тропу минируют…

Четверо впереди в земле возятся, мины закладывают. Дурачье! Это кто ж, не выставив охранения, такими делами занимается? Мы ж вас враз с пары очередей положим.

– Не стреляй! – шепчет мне в ухо подползший Леха.

– Это еще почему? – шипит ему Муха.

– Халаты на них попортишь, – шепотом объясняет Леха. – Нам же их потом носить.

Верно, Леха, в дырявых, пробитых пулями халатах ходить неохота, да и кровью их замараешь, хоть и чужая это кровь, а все равно неприятно, да и неопрятно. Оружие у «духов»: у одного за спиной автомат; остальные так вообще свои винтовки на землю побросали. Ну и идиоты! Это кто ж так воюет?

По одному переползаем вперед по-пластунски. Вот уже где-то десять метров до «духов» осталось. Голоса хорошо слышны, и даже запах от них доносится. Чужой запах, чем он от нашего отличается, не поймешь, а все равно чуешь – чужой. А вот теперь пора! Огонь! Леха поверх их голов из автомата стреляет, я им под ноги пуляю и стараюсь в мины не попасть. Муха страхует, кто за оружие схватится, уж того он враз и уложит, насмерть. Носом землю роют грозные моджахеды, никто за стволами не потянулся, растерялись. Взяли их тепленькими. Подошли. Без всяких там рукопашных изысков пинками подняли. По одному обыскали. Испуганные серовато-смугловатые лица, дрожащие руки, покорно-послушные движения. Вот вы и в плену, дорогие! Мордой к стенке, ноги врозь. Построили их у отвесной горки. Леха их под прицелом держит, мы с Мухой мины рассматриваем. Пластиковые, нажимного действия, противопехотные. Производство: Италия. Знакомые штуки, западлянские. Миноискатель их не обнаружит, наступил ногой на взрыватель мины, секунда – и ты уже на небесах. Но на любой газ есть противогаз. Научились и с ними бороться. Есть у саперов дедовское приспособление: щуп. Это обычная длинная палка с заостренным металлическим стрежнем на конце. Когда по подозрительному участку идешь, то тыкаешь ею перед собой, как слепой тросточкой. Щупом мину обнаружишь, а там или отходи и расстреливай ее, или выкручивай взрыватель. А есть и другой способ:

– Бегом! – приказывает уже лишенным халатов пленным Леха и показывает на заминированный участок. Те машут руками и быстро-быстро что-то там Лехе объясняют, тот в ответ только злобно скалится:

– Бегом марш!

И под ноги им стреляет. «Духи» запрыгали, как затанцевали. Что ж, по-военному это вполне справедливо, они нас взорвать хотели, вот пусть теперь и разминируют, как могут, или, вернее, как мы им прикажем.

– Отставить! – издалека ревет ротный.

Я вздрагиваю. Ну надо же, а мы и не заметили, как он подошел, до наших постов еще метров пятьсот оставалось, в их сторону мы и не смотрели. За двести метров от нас стоит ротный, рядом с ним два бойца из первого взвода и наш взводный, лейтенант Петровский.

– Товарищ капитан! – в ответ на его окрик докладывает Муха. – Тропа заминирована! Сюда нельзя.

– А то бы я сам не догадался? – иронизирует, понижая голос, капитан Акосов и приказывает: – Мины обезвредить, пленных живыми привести. Выполнять!

Ладно, обезвредить так обезвредить, мы и эти дела умеем делать. Осторожненько, плавными движениями пальцев против часовой стрелки вывернул взрыватель, затем вытащил из земли пластиковый начиненный взрывчаткой корпус, вот и все. В принципе, если умеешь, то ничего страшного нет. Десять штук вытащили. Больше нет, показывает жестом душманский минер. Ясное дело, нет: во-первых, мы все посмотрели хорошо, а во-вторых… так если кто из наших подорвется, то тебя, душман, сапер ты херов, тут же на куски распластают. А жить ты хочешь, вон порозовел даже, как понял, что не бежать тебе кросс по минному полю.

– Ну и чего вы там делали? – хмуро спрашивает нас

после разминирования подошедший ротный.

Здоровенный мужичина, весь такой кряжистый, одет в хорошо подогнанную хлопчатобумажную полевую форму, края надвинутой на лоб панамы на манер ковбойской шляпы вверх чуть завернуты, в легких гражданских туфлях форсит. Туфельки чешские, в горах легко в них ходить, а на соблюдение уставной формы одежды всем в Афгане уже давно наплевать.

Память у меня от природы хорошая, тексты легко запоминаю, наглости хоть отбавляй, вот и без улыбки, глядя ротному в карие, недовольно сузившиеся глаза, объясняю:

– Мы на рекогносцировку ходили. Рекогносцировка – это русифицированный термин, происходящий от немецкого слова *Rekognoszierung,* которое, в свою очередь, происходит от латинского слова *recognosco…*

– Ты! Rekognoszierung, – намеренно утрируя немецкий акцент, спрашивает капитан и сильнее щурит глаза, показывая рукой на наш груз, – а это что такое?

У меня РД от лепешек пухлый. А пахнет от него не толом или ружейным маслом, а свежим печевом. Прямо в расширенные ноздри голодного офицера плывет хлебный аромат. У Мухи из РД крылья куриные видны, у Лехи в РД тоже две курицы запиханы, а еще у каждого к РД приторочены трофейные халаты.

– Товарищ капитан, – прямо до посинения обижается Муха, – как вы только могли подумать, что с вами не поделятся?

– Пять минут, и все будет готово, – белозубо улыбаясь, заверяет Леха.

– А пока вот! – Я достаю из РД и протягиваю офицеру мягкую свежеиспеченную лепешку и предлагаю: – Заморите червячка.

– Ладно уж, – цедит капитан Акосов, берет хлеб, ест и, еще не прожевав кусок, невнятно обещает: – Пожалею вас, убогих. – И обращается к сопровождающим его бойцам: – Пленных на допрос!

Допрос, вопрос и прочая военная лабуда нас меньше всего интересует. А вот как курочку сготовить, да еще и в горах, да без костра, и все это за пять минут – вот это да! Вот это серьезный вопрос, самый насущный на данный момент. Вот вы знаете как? Эх, не служили вы в нашей роте! А вот для нас это не проблема. То, что часть почвы из глины была, мы, когда окопчики отрывали, приметили. Курочка потрошится ножичком, обмазывается мокрой глиной и достается входящий в боевой комплект пирофакел, он же сигнальный огонь, и курочка им, как в жаровне, обрабатывается. Температура и скорость горения у пирофакела высокие, как и обещали: пять минут – и птица готова к употреблению.

Во как! Согласитесь, мы достойные потомки того солдата, что кашу из топора варил. Да, жрать захочешь – всему научишься и по-всякому исхитришься. Вместе с глиной и перья куриные отваливаются, кушать подано, жрите, товарищи солдаты. С одной стороны курочка пережарена и почти обуглена, а с другой сыровата? Ничего, и такая за деликатес сойдет. Руками на куски птицу рвали, да потом поедали. Только течет жир по губам, но не мимо и не на х/б, а на заботливо подставленную лепешку, чтоб, значит, ни капли добра не пропало. Что такое для голодных молодых, здоровенных лбов три курицы? Одну-то мы сразу, как только сготовили, ротному отослали. Маловато будет, так еще и лепешки есть да сыр овечий. Подзаправились, не

досыта, конечно, но пока хватит. В сладкой, сытой истоме закрываю глаза, надев трофейный халат, согреваюсь.

Готов к дальнейшему прохождению службы: «Хоть в горах е…ться, хоть по бл…ям ползать» – это присказка у нас такая была. Гор много было, на всех хватало, а вот бл…ей? Да вот не было их у нас, не для солдатского рыла такая роскошь. Ничего, «падших» женщин нам политработники из округа или штаба армии заменяли. Те язычками тоже профессионально работали, пожалуй, даже и получше, чем их коллеги из женского проституционного цеха. Я не про ротных замполитов говорю. Те-то обычными офицерами были, на операциях боевыми группами командовали. Уровень г… на в каждом ротном замполите зависел не от должности, а от личных качеств. А качества эти, в принципе, как говорят экологи, соответствовали ПДК – предельно допустимому коэффициенту.

«Товарищи солдаты! – С закрытыми глазами вспоминаю, как профессионально работает язычком весь выхоленный, в новеньком, отлично подогнанном обмундировании молодой подполковник из политотдела округа. – Здесь, в Афганистане, вы в первую очередь защищаете южные рубежи нашей родины!»

Это весной еще согнали нас на лекцию. А мы только день как с очередной операции пришли, толком еще не отдохнули. На хрен нам эта лекция не нужна, но слушаем, голос у подполковника громкий, а уши не заткнешь. От скуки смотрю по сторонам. Вижу, как знакомый боец из комендантского взвода бегает мимо нас: туда, на склад, сюда, в штаб бригады – туда-сюда. В руках у него вместительный общевойсковой вещмешок, со склада несется – мешок пухлый, со штаба бежит – мешок жалко обвисший, пустой. Солдат я опытный и всегда готов к бою: «А где бы чего пожрать урвать!» Делаю вид, что по великой и неотложной нужде лекцию покидаю. Недовольно смотрит на меня политработник, я ручкой животик потираю и гримасу строю жалостливую, извиняющуюся, типа того: «Рад бы вас и дальше слушать, товарищ комиссар, да вот ведь какая незадача, животик заболел, в сортир надо. Вы уж не взыщите с убогого-то». Вышел, притаился за палатками и комендантскую обслугу ловлю. Бежит милый, с полным мешком со склада бежит.

– Стой! – и хватаю его руки.

– Да ты чего? Сдурел?! – остановившись и придерживая за лямки вещмешок, растерянно смотрит на меня невысокий обгоревший под весенним солнцем солдат.

Для нас, бойцов строевых рот, комендантский взвод – это второй сорт, чмо, одним словом, и отношение к ним этакое полупрезрительное.

– Делись! – злобно и уверенно рявкаю я и киваю на мешок.

Знает «герой» из комендантского взвода: не поделится, то как заступит наша рота в караул по охране штаба, так в эту же ночь его подловят и таких «лещей» навешают, мало не покажется. А виновных-то и не найдут. Помнит «герой» и такой случай.

Ловили мы один раз писарька штабного. Западлянку он одному парню устроил. А писарь, как только наша рота в караул заступает, так ночью носа из своей палатки не высовывает. И что бы вы думали? Ночью закидываем в окошко палатки дымовую шашку. Дым валит, и писарь, разевая рот, из палатки в одних трусах вываливается, а тут его уже ждут. Всего-то минута делов, и была рожа у писаря холено-розовая, а стала красно-синяя. А еще через пару деньков его к нам в роту переводят служить. Наша вторая, она как штрафная была, всех залетчиков из бригады в нее спихивали. А наш ротный (был у него такой преужасный талант) всех в чувство приводил, каждого залетчика, условно поставив в третью позицию, мигом по-военному обучал любить родину и службу. Медленно, спотыкаясь, идет к нам писарь, а сам голову понурил и по ходу движения тяжко так вздыхает. Не дрейфь, солдат! У нас зря еще никого не били. Ты ж теперь из наших будешь, ты «родной» теперича, боец первого взвода второй роты. Милости просим в горы, под пули, там посмотрим, чего ты стоишь, а уж потом и решится твоя судьба. И что бы вы думали? Нормальный парень оказался, в горах не издыхал, в бою не трусил, товари-

щей не закладывал. И польза всей роте от него большая была. Он же все ходы-выходы в штабе бригады знал, и дружки у него там остались. Как к нам внеплановая проверка из штаба идет, так и офицеры и солдаты о ней уж заранее знают. Прозвище этому экс-писарю соответствующее дали – Разведчик. А что, вполне подходит, он как наш резидент при штабе бригады был и агентуру там свою имел, одним словом, разведчиком и был.

– Делись! – повторяю я комендантскому воину и тяну на себя лямки мешка.

– Это из личных запасов комбрига, – сопротивляется «герой»-комендач.

Хоть и боится он, но твердо защищает личную собственность командира бригады подполковника Карнаухова, проявляя при этом личное мужество и героизм.

– Ты понимаешь, – сбивчиво начинает объяснять он, крепко сжимая лямки мешка, – эти мудилы из округа, как прибыли, так уже второй день жрут и пьют, как свиньи, всю наличную водку выпили, вот комбриг и приказал НЗ санчасти раскупорить, у них там литр медицинского спирта на крайний случай остался. А эти суки еще барахла требуют им достать, разведроту уж на операцию отправили…

– Ну раз такое дело, – отступаю я, – то лети.

Возвращаюсь на лекцию и слышу, как продолжает работать язычком политработник:

– Выше держите знамя советского интернационализма, как зеницу ока храните честь воина-десантника. Помните! По вам будут судить обо всем нашем народе…

От отвращения закрываю глаза. Хоть бы не видеть эту мразь. Сука! А если кто из ребят разведроты, добывая тебе барахло, погибнет, тогда как?

Слышу негромкий голос лейтенанта Петровского: «Подъем, ребята», – и открываю глаза. Хватит воспоминаниям предаваться. Все уже собираются. Подъем, третий взвод, вперед, вторая рота, пора выдвигаться. Слушай команду, первый батальон: идите защищать в чужой стране южные рубежи нашей родины, и при этом приказано вам «выше держать знамя советского интернационализма», как зеницу ока хранить честь воина-десантника.

Вот только не надо судить по нам обо всем нашем народе.

– Смотри! – легко толкает меня плечом стоящий рядом Муха и заливается булькающим смехом: – А наши-то минометчики…

Оборачиваюсь и легонько пожимаю плечами, эка невидаль, самое обычное дело. Наши минометчики пленных «духов» в советскую армию призвали. В нашей роте из четырех только один минометный расчет с нами в операции участвовал. Видать, на допросе «духи» до ж…пы раскололись, вот их в «сады для праведных» и не отправили.

И послали их не к «чудным девам, жемчугу подобным», а к усталой грязной солдатне, таскать по горам минометы. Да, товарищи «духи», таскаться с минометом в горах – это вам не в райских садах с полногрудыми девами вступать в интимные отношения. Вот теперь и запомните, что состоит миномет из следующих частей: ствол, опорная плита, лафет, все такое тяжелое. А еще и лотки с минами вам тащить придется. А коварные и довольные гяуры-минометчики налегке рядом с вами пойдут. Только прицел миномета вам тащить не доверят, его командир расчета сам понесет, не велика тяжесть.

– Мы, значит, их взяли! – показывает пальцем в сторону пленных подошедший к нам Леха, от возмущения и обиды он весь такой красный, впору хоть кипятком ссать, и громко негодующе шипит: – А как их использовать, так другим?

– Да пошли они все на хер! – кричу я и тоже чувствую, как закипает от обиды и несправедливости у меня моча, мрачно предлагаю: – Скидывай РД, ребята!

Разом скинули РД, а там, кроме боеприпасов и всякой прочей военной дребедени и амуниции, у каждого по две мины к ротному миномету. Чтобы минометный расчет разгрузить, каждому бойцу роты еще перед началом операции по две мины всучили. Такая мина тоже, между прочим, нелегкая штука, а в горах каждый лишний грамм тонной давит. Перед началом

марша идем отдавать мины минометчикам, те такое «добро» ни в какую брать не хотят. Сначала матом переругиваемся:

– Возьми свою дуру! – требую я и протягиваю мину.

– Да на кой она мне нужна? – искренне недоумевая, отказывается и.о. командира четвертого минометного взвода, старший сержант, чернявый плотный Жук и заводит руки за спину.

– Возьми, сука! – наседаю я. – А то хуже будет.

– Ой! Испугал! – презрительно отвечает здоровенный Жук и ехидно улыбается.

– Ну ты и б…дь, – изумляюсь я его наглости и, разглядев самую его суть, тут же произвожу матерого солдата дембеля в женский пол мужского рода: – Ты, пидор, возьми мину!

– Да я тебя! – зарычал Жук, наступая на меня и сжимая кулаки.

За малым дело до драки не дошло. Малым делом командир роты оказался. Услышав перебранку, он с ленцой подходит к нам, ковыряя пальцем в зубах. «Сожрал уже принесенную нами курятину», – довольно отмечаю я. Капитан Акосов, невозмутимо продолжая ковыряться в зубах, слушает обе стороны. Знаете, он русский человек, а вот решение выносит чисто еврейское, ну прямо соломоново решение. Сплюнув застрявшее в зубах мясо, он закуривает и преспокойненько заявляет:

– Сами разбирайтесь, – выпускает из легких сигаретный дымок и, широко улыбаясь, уточняет: – Или мины у третьего взвода остаются, тогда и пленные им под охрану переходят, или минометчики свои боеприпасы забирают, а им в помощь мы афганских добровольцев передаем.

Стоя чуть поодаль и примеряя походные ремни минометного ствола, лафета и плиты, заодно и разинув рты, смотрят на нас бывшие в употреблении афганские душманы, а теперь разом перевоспитанные и призванные в советскую армию «добровольцы». Чего они там про нас думают?

– Давай мины сюда, – с лютой злобой соглашается принять боеприпасы Жук.

– Эй, вы! – издалека наблюдая за нами, кричит лейтенант Петровский. – Разобрались? А теперь в ГПЗ бе-го-ом марш!

Наш взвод по тропе в колонну по одному идет. Я первый, за мной Сашка Петровский, дальше с интервалами остальные.

– Хорошо, что хоть в отпуске женился, – слышу, как тихо говорит идущий за мной взводный.

На ходу оборачиваюсь. С кем это Сашка там разговаривает? Не с кем, с собой он говорит, а может, с молодой женой, что осталась в Союзе. Теперь ее молитвы к материнским присоединятся. Теперь, Саша, уже двое будут просить тебя вернуться хотя бы просто живым.

– Ты это о чем, Саша? – спрашиваю.

Когда других офицеров рядом не было, к Петровскому старослужащие солдаты без малейшей фамильярности по имени обращались. Высокому, широкоплечему, с отличной строевой выправкой Александру Петровскому двадцать два года, он сразу после военного училища, летом восьмидесятого, в Афган загремел. Нам, его подчиненным, по двадцать лет, одно поколение, почти сверстники. И воюем вместе год уже.

– Вперед смотри! – обрывает меня Петровский. – И не хер подслушать.

– А я и не подслушиваю, – отвернувшись, ухмыляюсь я и насмешливо добавляю: – Я, товарищ лейтенант, влет стараюсь офицерские команды ловить, вот слух и напрягаю.

– Ты эти сказки при очередном залете другим рассказывай, – крайне желчно и недовольно отвечает взводный.

Не верит он мне. И правильно делает. Что бы я да влет команды ловил? Нашли ловца! Кабы я таким был, меня бы в армии и не увидели, я уж небось на третьем курсе института бы учился. А хорошо небось сейчас дома, эх, сейчас бы пельмешек со сметаной навернуть, а потом не в горах с пулеметом сношаться, а совсем по-другому, так как это природой для размножения

предназначено. Мечтаю, значит, а сам одновременно и вдаль смотрю, и по сторонам оглядываюсь, и под ноги глянуть не забываю. Сразу? Да не может быть! Очень даже может, не хочешь пулю поймать, не хочешь на мине подлететь – научишься так смотреть. Со временем такое уменье приходит, так же как всей шкурой чуять чужой взгляд и направленный на тебя ствол.

– Ложись! – ору и сам падаю.

Рассекая воздух, вжикнули пульки, и ударил по ушам звук пулеметной очереди, поверху прошли пули.

Отползаю к укрытию, по вспышкам, по чутью определяю позицию противника и стреляю. Первая очередь длинная, последующие прицельные, короткие, на три-четыре патрона. В магазине моего пулемета патроны через два на третий уложены, два простых заряда, третий трассирующий. По трассам определят бойцы передовой заставы, где находится обстрелявший нас пулеметчик, и туда же начнут стрелять. Не поднять ему головы. Он и не поднимает – или позицию сменил, или совсем ушел. В общем, хрен его знает, но точно не убит. Почему так определил? Да не знаю я. Чувствуешь такие вещи, вот и все. Потерь у нас нет. Постреляли, полежали, отдохнули, встали по одному и дальше вперед пошли. Не до ночи же здесь торчать. Так и до дембеля пролежать можно, хорошо бы, конечно, да кто ж тебе даст?

Вот так до вечера и маршировали. В нас постреляют, мы постреляем, подождем, послушаем, и дальше двинули. Еще с пяток противопехотных мин обнаружили на тропах, рисковать и вытаскивать взрыватели не стали. Отошли на безопасное расстояние и расстреляли их из автоматов и пулеметов. За день больше потерь нет, и слава богу.

Как чуток стемнело, нам на вертолетах подвезли еду в термосах и боеприпасы.

Вертолеты – это вообще отдельная песня, даже не песня – симфония. В горной, маневренно-партизанской войне вертолеты стали самым эффективным оружием. Ловили наши «вертушки» «духов», где только могли, ловили и уничтожали. В горах, в пустынях, в укрепленных пунктах не было от них спасения. Еще вертолеты выбрасывали десанты. И те, кто уцелел от воздушных ударов, попадали под стволы десантуры. Хотя в начале войны мало было у «духов» средств ПВО, но и без них, только стрелковым оружием сбивали вертолеты. Крутясь в беспомощном штопоре, падали с небес наши ребята, а на земле догорали в своих машинах. Опасная у них служба была. Страшнее, чем у десантников, и процент потерь выше. И часто после боевых вылетов, водкой поминая подбитых товарищей, так и пели экипажи «вертушек»: «Нам не всем ракетой алой высветят право на посадку и на жизнь…».

В первое время в основном использовались многоцелевые вертолеты, которые выполняли функции как десантные, так и огневые. Вертолетов только огневой поддержки почти не было. А у десантных «вертушек» вооружение слабее, чем у огневиков. Вот и придумали усиливать штатное оружие вертолета приданными пулеметными расчетами. Спикировав на цель первым заходом, дает вертолет залп из ракет типа НУРС (НУРС – неуправляемый реактивный снаряд), на втором заходе ведет огонь из бортового оружия – пушек и пулеметов, а уж на третьем вираже откидывается десантный люк и приданный расчет стреляет из пулемета, без остановки на распыл ствола.

Довелось и мне на пару штурмовок слетать. Несколько пулеметных расчетов из нашей бригады на время прикомандировали к летному полку. Я стрелковое вооружение неплохо знал и стрелял хорошо. И вот мне всучили ПКМ и вместо раненого на последнем вылете пулеметчика отправили в небеса на штурм.

– Смотри, герой, штаны не замочи и все тут не заблюй, – снисходительно улыбаясь, говорит мне пилот, когда я, весь бледный, сел в десантный отсек.

– За собой смотри, – огрызаюсь я. А у самого от страха все мелко так подрагивает.

– Привяжи его, – отдает распоряжение летчик своему технику и, небрежно махнув рукой в мою сторону, идет в кабину вертолета.

Техник, молодой угрюмый парень в летном комбинезоне, цепляет на меня страховочную систему, по виду она почти как подвесная система парашюта.

– Как я люк откину, так сразу стреляй, – инструктирует он меня и просит: – Только смотри, меня не пристрели.

– Будь спок, – преувеличенно бодро заверяю я его, – солдат ребенка не обидит.

А самого уже легонечко подташнивать стало. Желудочный спазм, а куда деваться? Держись, солдат, дальше хуже будет.

Лопасти закрутились быстрее, еще быстрее, раз – и наша машина отрывается от земли. Куда летим? Это пилот знает, а мое дело маленькое: не обоссаться, не обрыгаться, не пристрелить техника, а дальше как будет, так пусть и будет. Минут тридцать летели, я уж как бы и привык, страх почти прошел, только легкий мандраж остался. А тут как понеслось: мама родная, как начали кувыркаться! Машина вверх пошла и сразу вниз, потом как дрогнула и на бок завалилась, двигатель взвыл, а я чуть ну это самое… в общем, хорошо, что специально за два часа до вылета ничего не пил и не ел. Машина опять взмывает вверх, я рук и ног не чую, голова кругом. Потом опять вниз, и грохот по ушам как даст, тут уж я догадался: это второй заход, а дрожь фюзеляжа – это отдача от стрельбы из пушки и пулеметов. Снова вверх, потом вниз, техник откидывает люк и отскакивает в сторону. Пожалуйте, товарищ десантник, ваш выход. Мотает меня, на ногах устоять не могу, так я на карачках подполз к отверстию-люку и пошел из пулемета шпарить. Куда? Зачем? По кому? Поток ветра в лицо бьет, глаза слезятся – ничего не вижу. Пулемет замолк, смотрю: лента на триста патронов пустая. Ну ни хера себе! За тридцать секунд виража все расстрелял. «Вертушка» снова вверх и на боевой разворот, а мне-то надо… ствол сменить – раз… пулеметную коробку пристегнуть – два… ленту заправить – три… не обрыгаться – четыре… и все это за несколько секунд. Успел. Еще пострелял, а уж про прицел лучше не спрашивайте, техника не пристрелил и то хорошо. Как вернулись, не помню, об одном только и думал: «Господи?! За что ж ты меня в десант-то отправил служить! За какие такие грехи?» Ну ладно, приземлились, вываливаюсь из борта. Шатаюсь. Пытаюсь брести, слышу:

– Эй, герой! Пулемет свой зачем нам оставил?

Оборачиваюсь, весь экипаж на меня любуется и зубы скалит. Возвращаюсь. Забираю ПКМ, пустые ленты, коробки и ухожу, век бы все ваши гробы летучие не видеть.

– Эй, пацан! – Это пилот меня окликает. – С крещением!

В таком-то месте такой-то поповской матери я бы такое крещение видел! А летун зовет:

– Обмыть надо! Новорожденный, проставляйся!

– Нет у меня ничего, – хмуро отвечаю летчику, – пойду я лучше домой.

– Стой, солдат! – Летун мне приказывает.

– Да пошел ты на… – борзо я так отвечаю, осмелел, значит, на земле.

Техник ныряет в фюзеляж, выныривает с фляжкой и сумкой.

– Ну и вали отсюда, долбоеб, если хочешь, нам больше останется, – ласково он меня провожает.

– Жаль, что я тебя не пристрелил, – огорченно заявляю я технику, а сам уходить передумал и к сумочке с фляжечкой все придвигаюсь и придвигаюсь.

Знаю, что во фляжке, знаю, что в сумке, там настоящее чудо! Летный аварийный паек. А в нем и спиртик, и копченая колбаска, разные прочие разносолы. На неделю паек рассчитан, витамины и калории все строго по науке подсчитаны, а уж вкуснотища, пальчики оближешь.

Летуны спирт водой разбодяжили и наливают мне полстакана. Пей! Ахнул я пойло летное одним глотком, а оно назад как поперло, да так быстро, раз – и плесканул из горла фонтан.

– Все-таки ты облевался, – тихо и грустно заметил пилот, разглядывая свой испачканный комбинезон.

Огорченно развожу руками: прости, браток, не специально я.

Коротко матернувшись, летчик лезет в вертолет и там переодевается. Выходит в форме. На мятой зеленой рубашке прицеплены погоны офицерские. Две полосы и звезда посередине. Ну ни х… себе! Надо же, на кого рыгнуть пришлось. Здравия желаю, товарищ майор! От неожиданности я в воинском приветствии поднес руку к головному убору, истерзанной выцветшей панаме.

– Что у тебя с рукой? – майор спрашивает. – А ну покажи!

А ладони у меня обожженные, когда раскаленный ствол пулемета менял, до мяса руки сжег.

– Да ничего, – прячу руки я.

– Слышь, Сема, – это майор технику приказывает, – позови пару бойцов из обслуги, пусть они этому расп…дяю помогут оружие до части донести.

Потом майор ко мне поворачивается и ласково так, с подъе…кой говорит:

– Хотел тебе всю фляжку отдать, да нечего добро на г… но переводить, а титьки с молочком у меня нет, уж звиняй, хлопец.

Полк вертолетный раньше под Одессой дислоцировался, вот они примочки одесско-хохлятские к делу и не к делу применяли. Попытался я доказать, что можно мне флягу доверить, не пропадет добро, и только укрепит вертолетно-десантное братство аварийный спирт, но получил в ответ еще пару совершенно непристойных шуточек на украинской мове и без спирта поплелся в роту. Пусть и без аварийной фляжки шел, но зато как триумфатор. Вместо свиты тащили за мной пулемет и прочую амуницию двое донельзя злых солдата из батальона авиационного обслуживания – БАО.

Затем я еще пару раз на штурмовки летал, но с другими экипажами. Там тоже лихие хлопцы были, но уж больно пилоты этого одесского полка подшучивать любили. Разок они высокого штабного чина доставляли в Кабул. А до этого чин на инспекции весь гарнизон задолбал. Вы только представьте, этот лампасный хер заставлял пилотов ему по уставу честь отдавать. А честь офицера – это такое дело, что пилот на войне ее защитить всегда найдет способ. И вот на высоте трех тысяч метров борт начал пикировать, да еще техник втихаря зажег дымовую шашку в отсеке, и как все завизжат: «Нас сбили! Падаем! Прощай, родина!!!» Генерал от горя, что пришло время родину оставить, прямо от души так в штаны с лампасами и навалял. Смеха на всю армию было. Потом, конечно, эти летуны преогромный втык из штаба армии получили, только им до винта это дело было, дальше подшучивали. Славные ребята, отважные, а как летчики вообще суперклассные были. Сколько раз они нас огнем прикрывали, а сколько солдатни побитой они с поля боя повытаскивали. А ведь почти под огнем раненых эвакуировали, а иногда и без всяких «почти» – прямо под обстрелом наших ребятишек спасали.

Вертолет улетел, день закончен, окопы отрыли, камешками бойницы обложили, из термосов по котелкам супчика разлили, горячего похлебали, можно и отдыхать. Только-только приготовились посменно покемарить, как с соседней горки по нам стрелять стали. То ли «духи» хотели показать, что туточки они и никуда не делись, то ли они своему душманскому начальству хотели очки втереть, но в любом случае толку с их стрельбы ноль. Расстояние между нашими горками где-то метров девятьсот было. Прицельно, особенно в наступающей темноте, не постреляешь. Неприцельная шальная пуля убойную силу сохраняет, но от таких попаданий окоп хорошо защищает. Мы, конечно, ответный огонь ведем, но так, для порядка, без азарта. По вспышкам стреляешь в сумеречную хрень как в «копеечку» и прекрасно понимаешь, что все это – бестолковый перевод боеприпасов. А вот наши минометчики, вот те перестрелке обрадовались. Быстро установили в подходящей ложбинке миномет и давай мину за миной кидать.

На другой горке, где противник засел, разрывы видны, оттуда «духи» тоже усиливают огонь, мы в свою очередь из стрелкового оружия пуляем. Летят очереди трассирующих пуль, гремят взрывы. Все почти как в кино: красиво, зрелищно, бестолково. «Духи» тоже в укры-

тиях сидят, от мины толк будет только в случае прямого попадания, наши же пульки по законам баллистики уже не в цель летят, а токмо направление соблюдают. А минометчики все не унимаются, все кидают мины. Думаете, горят желанием в бою поучаствовать, свою лихость и воинскую выучку продемонстрировать? Как бы не так! Они за истекший день мины свои не расстреляли, а тут им новые привезли. А куда их девать? Так просто не выкинешь, лишнюю тяжесть тащить неохота, а тут такой удачный случай от этого добра избавиться. Расчет к бою! Прицел девятьсот! Беглым огонь, огонь!

Расстрелял я из пулемета один магазин, надоело, и без того за день до тошноты настрелялся. Скукотища, из окопа не вылезешь, шальная пуля может и зацепить, в окопе тоска, а тут еще и сигареты закончились, а курить охота аж уши пухнут. Кричу я Лехе, другану своему, чтобы он кинул мне покурить, он пачку кидает, но до моего окопа она метров пять не долетела. Стрельба вроде поутихла, я змейкой из окопа за сигаретами пополз, только руку за пачкой протянул – бац, шальная пуля мне в кисть руки и попала, кровь потекла, а боли нет. Я обратно мигом в свой окоп кинулся, рану боевую осматриваю, волнуюсь, бинт наслюнявил, ранку обмыл и успокоился, пулька только кожу стесала. Вот тут я себе клятвенно пообещал бросить курить. Кровянка сочиться перестала, а уши все пухнут и пухнут, второй раз за пачкой сигарет пополз, достал, вернулся, со смаком закурил, про клятву и ранку забыл.

Ночь, обеим сторонам пулять друг в друга надоело, перестрелка затихла. Заворачиваюсь в теплый и грязный трофейный халат. На ногах у меня надеты шерстяные машинной вязки носки, обут в кроссовки. Согрелся. Благодать.

У всех солдат и офицеров батальона носочки нитяные[9], а вот у меня шерстяные. Свистнул я их у летчиков. Неделю назад проходил мимо модуля, где живут офицеры вертолетного полка, а там, у сборного домика, бельишко и летная форма на веревках сушится. Идиллия. Ну прямо как в деревне. Воровато оглядываюсь: нет никого. Мигом с веревки еще влажные носки снимаю, прячу их в карманы и не торопясь скрываюсь с места преступления. Простите, неизвестный мне товарищ офицер, но вам новые выдадут, а у меня в ваших носочках и в жару ноги преть не будут, и в холод согреют. Кабы нам это добро выдавали, в жизни не стал бы я чужие носки носить, а так… ну простите. Да и еще дневальному своему передайте, что на службе надо не о манде мечтать, а думать только о том, как охранять от всяких там вверенное ему под охрану имущество.

Тепло в шерстяных носочках, угревно в трофейном халате, за день-то намаялся по горам ползать, да прошлую ночь почти не спал, а тут одно слово – «благодать». Пока моя смена не начнется, хоть вздремну. Глазки закрываются, и снится мне, братцы, «вещий сон».

Сижу я в светлом классе родной школы № 25 на контрольной работе по алгебре. Мой классный руководитель, Зоя Петровна Орлова, ходит между рядами парт, бдит, чтобы никто не списывал. А я-то тему не знаю, но зато есть у меня шпаргалка. Только классная отвернется, как я раз – и списывать, она в мою сторону повернется, так я прячу «шпору», прекращаю писать и в раздумьях над алгебраическими символами морщу лоб. Но давно работает Зоя Петровна учителем, ловит она меня со шпаргалкой и торжествующе хрипловатым голосом начальника штаба батальона капитана Эн, заявляет:

– Вот посмотрите, дети, из кого никогда настоящий разведчик не получится!

Осуждающе смотрят на меня дети, только это не одноклассники, а сослуживцы по Гайджунайской учебке.

– Марш к доске! – по-военному непреклонно требует педагог Орлова и трясет меня за плечо.

Смотрю на тему, выписанную мелом на классной доске, и обмираю: «Действия десантного отделения в тылу противника». Думаю: «Ну ни черта себе! Ну и тему на контрольной по

[9] В состав летней полевой формы входили ботинки, к ним выдавались носки. Две пары на шесть месяцев.

алгебре нам задали!» А еще мне ничуть не стыдно, что я попался. Я даже рад, что ничего не знаю, стало быть, в разведку мне идти не надо.

– Да ну вас на фиг с вашей разведкой, – говорю я классной руководительнице. – Я лучше посплю!

– Встать, хам! – кричит мне Орлова теперь уже командным басом капитана Акосова.

– Не моя смена, – отнекиваюсь я.

– Я тебе сейчас такую смену покажу! – вопит Зоя Петровна и больно бьет толстой указкой меня по ногам.

Только я ей хочу сказать, что негоже советскому педагогу бить детей, как получаю второй удар по ногам и раскрываю глазки.

Стоит у моего окопа капитан Эн и заносит ногу для очередного удара.

– За что, товарищ капитан? – быстро вскочив, спрашиваю я.

– За то, – опуская ногу, серьезно, без улыбки, объясняет Эн, – что не чуешь ты, солдат, подход начальника и даже во сне дерзишь командирам.

– Так вот, значит, какие ты сны видишь! – негодует ротный. – Вот ты о чем во сне мечтаешь? Как бы офицера с его приказами на хер послать?!

– Мне, товарищ капитан, снилось, – спросонья начал оправдываться я, – что взяли меня враги и пытают: «Где прячет НЗ капитан Акосов? Признавайся! А то расстреляем». Я в ответ гордо их на три буквы посылаю.

– И где же прячет НЗ твой ротный? – прижмурившись, ласково интересуется Эн.

– Вы не враг, товарищ капитан, – глядя на начальника штаба батальона честными сонно-неумытыми глазами, отвечаю я, – и потому вам скажу, – намеренно делаю паузу и вижу, как багровеет ротный: он хранит фляжку с водкой в РД, который таскает за ним каптер, и с уверенной наглостью завершаю ответ: – Свой НЗ, последний патрон, командир роты хранит в стволе пистолета.

Это как насмешка прозвучало. Офицеры у нас на операции пистолеты с собой не брали, ну его, тяжесть такую на поясе таскать, да и толку от него в бою нет никакого, все с автоматами ходили. И одевались так, что в снайперский прицел солдата от офицера не отличишь. Форма у них, конечно, почище да поновее, а так солдат, он и есть солдат.

– Да-с, – задумчиво так говорит Эн, – а лейтенант Петровский был прав.

В чем был прав Сашка Петровский, мне не объясняют, зато объясняют, какого это хрена меня разбудили среди ночи, за час до начала смены.

– Берешь двух бойцов, дадим тебе еще и связиста с рацией, и вперед, милый, в разведку, проведешь рекогносцировку местности, установишь, есть ли необозначенные на карте тропы, обнаружишь огневые точки противника и обо всем доложишь по рации. Потом выберешь позицию по своему усмотрению и прикроешь утреннее выдвижение своей роты, а то нас посекут с пулеметов. Понял?

– А почему я? – угрюмо спрашиваю.

Такое задание мне совсем не улыбается. Можно так нарваться, что и «мама» сказать не успеешь, как на небеса отправишься. А я совсем не герой. Хочу увильнуть, вот и:

– Товарищ капитан, да как я в темноте-то тропы найду? А передать ориентиры как? Я ж топографию совсем не знаю, – жалобно бормочу я и решительно заканчиваю: – Боюсь подвести вас, не справиться.

– Не бойся, справишься, а не справишься, так хороших пинков от всего личного состава получишь, – утешает, щуря свои узкие очи, Эн и зловеще-ласково добавляет: – Понимаешь, солдат, верим мы тебе, знаем, что если придет беда, то не скажешь ты «духам», где советские офицеры НЗ прячут.

– А еще ты слова умные знаешь, – предельно серьезным тоном подкалывает ротный, – «рекогносцировка» и «топография», остальные-то все больше «на хер» да «за хер» говорят, –

и сразу, резко повышая голос, не терпящим возражения командным рыком капитан Акосов приказал: – Все понял? Вот и вперед!

В хули не дули, а приказ есть приказ, был бы умнее, то дураком бы остался. Все горе не от ума, а от отсутствия надлежащего умения этот ум прятать. В нашу всенародно любимую игру надо чаще играть, в дурачка, под такую мать, надо играть в дурачка. Не умеешь в дурачка играть? Вот и прись в разведку…

– Нет, ну почему я опять? – возмущенно спрашиваю я пришедшего проводить меня взводного.

Собираю РД, снаряжаю дополнительные магазины и подвешиваю подсумки с гранатами на поясной ремень, настроение хуже некуда.

– Из первого отделения ты один в строю остался, – лениво позевывая, объясняет присевший на бруствер моего окопа Сашка и спрашивает: – А почему?

– Мне просто повезло, – угрюмо отвечаю я и прошу: – Слезь с бруствера, а то стрельнет идиот, убьют еще.

– При прочих равных условиях, – не прекращая разговор и не меняя тона, Петровский слез с бруствера и присел в окопе, – везение большую роль играет, раз повезло, глядишь – и второй раз повезет. – Улыбается и задушевно так замечает: – А если тебя все же хлопнут, то все меньше залетчиков в роте останется. Глядишь, и показатели у нас в политической подготовке лучше станут. А еще замполит из третьей роты с облегчением вздохнет, ты ж его на батальонном комсомольском собрании цитатами классиков чуть до истерики не довел.

– Ну, спасибо, Саша, удружил, – не глядя на взводного, тихо говорю я. – Жив останусь, водку тебе доставать больше не буду.

– Ты уж постарайся остаться-то, – усмехается малопьющий лейтенант Петровский. – Как же я без водки-то… пропаду ведь.

Иду расталкивать еще двоих, которых с собой наметил пригласить.

Прохожу мимо окопа, в нем, закутавшись в трофейный халат и свернувшись калачиком, сладко спит Муха, только губами чмокает, улыбается чему-то. Вид у него детский, беззащитный, не скажешь, что уже отслужил почти два года и имеет медаль «За отвагу». Этой осенью Мухе домой, совсем чуток до дембеля осталось. Спиной к нему Леха привалился, тоже сопит. Мы втроем давно дружим, почти с первого дня, как я в Афган попал.

Я за Леху написал эротическое сочинение про героиню Пушкина Татьяну Ларину, он за это мое творение от ротного по сусалам получил. Я объяснил капитану, что да как, и тоже – хоть и не просил – сполна получил свою долю оплеух и беспощадный приказ выпустить стенгазету, посвященную творчеству Пушкина. Муха нам ватман в штабе бригады достал. Потом втроем ротную стенгазету оформляли, вот и подружились.

– Нет, ну почему я? – слово в слово повторяет мое возмущение злой со сна Витек. Я его еле растолкал.

– Ты два раза был женат? – спрашиваю я и сам же отвечаю: – Был! Бабу имел? Имел! В отпуск ездил? Ездил! А кого мне брать? Муху, что ли? Так он не то что с бабой не спал, он небось еще и не целовал-то никого. Имей совесть, Витек.

– Кто еще пойдет? – кисло осведомляется Витек.

– Иди Филона буди, а я тут радиста подожду.

Уходит успевший в свои двадцать лет дважды жениться Витек, а я жду связиста, покуриваю в кулачок и слышу:

– Ну почему я? – возмущается Филон.

А потому, ребята, что неохота мне своих друзей, Леху и Муху, под пули подставлять, они ж невиноваты, что с таким раздолбаем, как я, дружат. Простите, ребята, но кому-то же надо идти, а то и в самом деле посекут нашу роту с пулеметов, а нас и так всего ничего осталось. Подходит связист, тоже весь недовольный, я его давно знаю.

– Герка? – чуть улыбаюсь я. – Привет!

– Век бы тебя не видеть, – зло бурчит расстроенный и невыспавшийся Герка. – Таскайся тут с тобой.

У связистов, тех, кто на своем горбу таскал полевые радиостанции, служба тяжкая была. «Морда в мыле, жопа в грязи! Вы откуда? Мы из связи!» – так про них говорили.

То, что рация тяжелая, это еще полбеды, а вот то, что их первыми убить старались, вот это да, вот эта уже беда. Снайпера обучают не только хорошо стрелять, его еще учат, кого надо убить первым. Офицер, он на операции в полевой форме ходит, без знаков различия, от солдатской ее не отличишь. А вот связиста сразу по антенне рации видно. Убей связиста, парализуй управление боем, вот чему учат снайпера. Редко ходили связисты в разведку, не шли передовым дозором, а вот потери несли. Били по ним снайпера, и часто, очень часто приходило пополнение во взвод управления, на замену раненым и убитым.

Вот и собралась вся группа. Четыре человека, две связки бойцов. Все лишнее снаряжение оставили. Идем налегке. Только у плотного, сильного и выносливого Герки за плечами рация. Подходят взводный, ротный и начштаба батальона.

– Удачи! – только и говорит Сашка и каждого легонько хлопает по плечу.

– Держи. – Акосов протягивает мне флягу в матерчатом чехле. – Выпьешь с ребятами.

– А это на завтрак, – передает Филону две банки тушенки, обмазанной солидолом, капитан Эн. Они из одного города, земляки.

– Счастливо! – шепотом желает замерзший Баллон, когда мы проходим мимо его поста, и довольно улыбается, когда я кидаю ему сверток с трофейным халатом.

Пора. До рассвета еще четыре часа, а все равно пора. Рассветные часы, они самые сладкие, самые сонные. Спите спокойно, «духи» гор, мы постараемся вас не потревожить, мы тихонечко пойдем, стрелять первыми не будем, по крайней мере до рассвета.

Это только кажется, что ночью тьма непроглядна, не видно ни зги. Не раз я ночами по горкам в разведке и дозоре ползал и часовым на посту по ночам бдел. Во всех военных ипостасях срочной службы побывать довелось и точно вам скажу: «Жить захочешь – и ночью где надо пройдешь, что захочешь, то и увидишь». И ближе, солдат, ближе к горкам да к камешкам жмись, они даже ночью тень отбрасывают, прячься в этой тени, солдат, вот тебя и не увидят. Сам стань «духом», солдат. Горы, они «духов» любят.

Идем попарно, в тени прячемся. Первая группа – я и Витек, вторая – Филон и Герка. Уже и наших постов не видать. Вниз по тропке мы спустились, идем по расщелине, камешек под плавным скользящим шагом не брякнет, амуниция на теле не звякнет, только «фибры души» вибрируют, но их слышишь только ты один.

А ведь должны они за нами наблюдение вести, обязательно должны. Может, уже и засекли нас?! Вот подпустят поближе, и вот как от той, такой удобной для засады кучки камней как даст по нам очередь душман – и амбец. Останавливаюсь и, чуть пригнувшись, напряженно слушаю. Не горы слушаю и не ночь, а свои «фибры души» слушаю. «Иди, нет там никого», – шепчут мне «фибры», и я делаю плавный скользящий шаг вперед, за мной Витек, увидав, что мы пошли, поднялись с камней и Филон с Геркой.

Я в силу воспитания и образования был умеренным материалистом и атеистом. Мистикой и паранормальными явлениями никогда не увлекался. А тут, в Афгане, проникся, почти всегда знал, откуда по мне стрельнут и куда надо упасть. Даже чужие взгляды чувствовал, не каждый, а тот взгляд, когда на тебя уже сквозь прорезь прицела смотрят. Не знаю, что это было. Третьего глаза у меня нет, а астральное тело за меня в разведку не ходило, и вообще экстрасенсорными способностями я не обладаю. А вот «фибры души» есть, и вибрируют они все сильнее.

Обходим подозрительную кучку камней, точно никого нет. Прошли всю расщелину, за ней межгорную долину и вверх на следующую гору поднимаемся. Гора хоть и высокая, но

пологая, можно, минуя тропу, идти. На тропе могут быть мины, ночью их заметить трудно, лучше без дороги вверх по склону карабкаться. Да куда они, эти душманы хреновы, провалились? Может, ушли? И зря мы медленно передвигаемся мягкими скользящими движениями по черным камням афганских гор. Нет, не зря! Так завибрировали «фибры души», аж каждой порой кожи их почуял. Засекаем пост и тут же ложимся. Ждем стрельбы, шума-гама, нет ничего. Поползли. Вот они. Четверо с винтовками и один пулемет РПД[10] на сошках. Спят, милые, небось тоже утомились за день, вот и улеглись в ложбинке, завернулись в халаты и спят. Спите, родные, спите, мы вас ни чуточки не побеспокоим, мы вас сонных резать и стрелять не будем, мы вас тихонечко обойдем, мы только аккуратненько отметим вашу позицию, а потом тишком координаты и ориентиры передадим, вот вас утречком из минометов и накроют. Счастливых вам снов, «духи». Баю, баюшки-баю, спите крепко на посту, а десантник-то волчок, утром цапнет за бочок. Еще две позиции с пулеметами обнаружили. И только на одной не спали, зато разговаривали, негромко, да мы услышали. Обошли их осторожненько. А вот у этой группы оружие серьезное было, засекли мы торчащий из камней ствол ДШК. А грамотно их позиции расположены. Спустятся утром две батальонные роты вниз, в межгорную долинку, вот тут-то их перекрестным пулеметным огнем и накроют. Третья рота, что будет с нашей высоты прикрывать движение первых двух, конечно, откроет заградительный огонь, и вертолеты на подмогу подойдут. Да только пока это начнется, у нас от личного состава хорошо если половина останется.

Условным жестом показываю Витьку: «Сваливаем». Поползли, за нами Филон с Геркой. Нам теперь тоже надо позицию подобрать, так чтобы под огонь своих не попасть и из пулемета и автоматов наши роты поддержать.

На другую горку, параллельную той, на которой «духи» расположились, забираемся и осматриваемся: нет никого. Высотка удобная, постов нашего батальона с нее почти не видно, зато позиции «духов» хорошо заметны. Герка по рации передает ориентиры. Все, дело сделано. Окопы копать нет ни сил, ни времени, скоро рассвет. Из камней укрытия понаделали, есть где голову укрыть, и ладно. Хоть и устали, а сна ни в одном глазу нет. Выпить и пожрать надо. Филон штык-ножом вскрывает военный деликатес, банки с тушенкой, Витек руками ломает черный хлеб, Герка облизывается. Я снимаю с ремня фляжку в матерчатом чехле, отвинчиваю колпачок, выдохнув и от предвкушения блаженства закрыв глаза, делаю глоток.

– Ну, ротный, ну и сука! – проглотив холодную жидкость и с трудом подавив негодующий вопль, змеюкой шиплю я.

– Ты чего? – вскинулся Витек.

Молча передаю ему флягу. Витек делает глоток, сморщившись, сплевывает и негромко матерится.

– Вы это чего, ребята? – растерянно смотрит на нас Герка.

– А ты сам попробуй, – предлагаю я, а Витек передает ему флягу.

– Чай как чай, – выпив, недоумевает Герка.

– Это не чай, а «верблюжья моча», – все еще негодую я, вспоминая, как торжественно передавал мне флягу командир второй роты гвардии капитан Акосов.

«Верблюжьей мочой» у нас звали напиток, приготовленный из верблюжьей колючки, жажду-то он хорошо утоляет, но не водка, далеко не водка.

– А ты думал, – ехидно ухмыляется Филон, – тебя спиртом наградят? – Предлагает: – Губы скатай и садись тушенку жрать.

Тушенка свиная с армейских складов. В обмазанной солидолом банке один свиной жир и немного мяса. Намазали на куски черного хлеба жира, чавкая, съели, запили «верблюжьей

[10] РПД – ручной пулемет Дегтярева. До 1980 года состоял на вооружении афганской армии.

мочой». Покурили. Вот и все, светает уже. Запищала рация. Герка надевает наушники и микрофон.

– Комбат, – вполголоса говорит он, – требует уточнить ориентиры для ведения огня.

– Вот ты и уточняй, – предлагаю ему я и уже Филону с Витьком: – Расползаемся, ребята, наши сейчас огонь откроют.

Каждый в свое укрытие залег, оружие к бою, и одна радость, что так и будем лежать, пока наши роты, подавив огневые точки, не пройдут мимо нас по извивающейся горной тропе. Хоть часика три отдохнем.

С нашей высоты хорошо заметны такие далекие и совсем нестрашные разрывы мин. Открыли минометчики огонь, все три расчета, по одному с каждой роты. Только мимо, не там ложатся мины, совсем не там, где мы ориентиры указали. «Духи» молчат, себя не обнаруживают. Им-то что, смеются над нами, разрывы в ста – ста пятидесяти метрах от их укрепления ложатся.

– Куда ты бьешь, урод? Ты куда целишь, под такую твою мать! – весь вспотев, корректирует огонь Герка. – Я тебе который раз повторяю, ориентир номер один – это куча камней, бери влево сто метров, там их пулемет…

– Я тебе где другие ориентиры возьму? – после короткой паузы кричит он. – Тут, кроме камней, нет ничего… Сам пошел на х…й! Какие градусы?.. Откуда я знаю… Нет! Нет! Нет накрытия…

Корректировка огня – это наука. Тут требуется точная привязка топографической карты к местности, тут нужны заметные ориентиры, тут необходим армейский дальномер со специальной сеткой делений. Нет у нас ничего. Как слепой объясняет глухому, как ему в незнакомом городе попасть в другой район, так и мы корректируем огонь. Нет! Нет накрытия. А как мы могли ночью лучше ориентиры выбрать? Тут нет зацепок для прицела, горы, они есть горы. Надрывается в микрофон Герка:

– Мимо! Мимо! Да чтоб ты своей бабе так в очко попадал… Ой! Извините, товарищ майор, я это не вам… есть позвать… – Повернувшись в мою сторону, зовет связист: – Тебя комбат.

Подползаю, надеваю скользкие от пота резиновые наушники и далеким писком слышу:

– Ориентировочно через пять минут будут вертолеты. Трассерами укажешь им направление для удара. Понял?

– Ясно, – тихонько отвечаю я.

– Не слышу! – теперь уже ревет в наушниках голос комбата.

– Микрофон ближе, – шепчет Герка.

– Вас понял! – повторяю я, поднеся ближе к губам микрофон.

Закончена связь. Пересохло в глотке, и опять завибрировали «фибры души».

– Ну как? – надевая на свою остриженную голову взятые у меня наушники, устало спрашивает Герка. – Сильно ругался?

– Ну вот, ребята, и капец нам пришел, – отвечаю и после короткого матерного ругательства всем громко объявляю: – Будем вертолеты трассерами на цели выводить. Давайте, пока они не подошли, по два магазина одними трассирующими снарядим.

– Может, обойдется? – неуверенно спрашивает, повернувшись в мою сторону, Витек.

Нет, Витька, не обойдется, даже и не надейся. Сильно, очень сильно дрожат мои «фибры души», значит, убьют нас. Хотя, может, и обойдется, на войне трудно наперед говорить.

Указывать цели трассирующим огнем – это ясно показать противнику, где сидят наблюдатели. Это, конечно, не так красиво, как в героических стихах: «Вызываю огонь на себя!», но по сути то же самое. Первое, что делает противник, обнаружив наблюдателя, это старается его уничтожить. По трассам нас быстро засекут. А у «духов» есть мощная машинка ДШК, как

долбанут по нам с нее тяжелыми крупнокалиберными пулями, так только камушки от укрытий в разные стороны полетят. А дальше нас, лишенных защиты, быстро постреляют.

– Витек! Герка! Быстро на другую сторону горы откатились, вас там ответным огнем не достанут. А уж как нас долбанут, так вы корректировку продолжите.

Никто не спорит, никто не выделывается: «Да давай я останусь, а ты уходи» – или что-нибудь в этом роде, такое же бессмысленно-героическое. Давно мы воюем, и знаем: у каждого своя судьба. А судьба – это, братцы, такая подруга, что от нее за чужими спинами не спрячешься.

Отползают за склон Витек и Герка. А мы ждем, я и Филон. Молчим, а чего тут говорить. Слова, они пустые, ими от пуль не прикроешься. А через пару минут:

– Давай, быстрее пускай, а то нас расстреляют, – слышу истошный вопль Филона, а то я сам не знаю, что расстреляют, подвигаю свой РД и судорожно, трясущимися руками роюсь в нем.

А «вертушки» уже на боевой разворот заходят, сейчас как долбанут по нам, и все. Будет нам не просто конец, а полный, просто окончательный амбец!

Мы как вертолеты увидели, так сразу корректирующий огонь открыли, а они нас за «духов» приняли.

Есть, нашел, нащупал пальцами продолговатый цилиндр, вытаскиваю и сразу рву запальный шнур. Повалил густой красный дым, показывает этот запущенный мною дымок: «Братцы! Хорошие! Не бейте нас, мы свои!» Первый вертолет закладывает вираж и, не расстреляв нас ракетами, уходит, за ним еще два. Делают круг, засекают наши направляющие трассы, и вот теперь уже на цель по одному выходят. Доходит до нас упруго-тяжелая взрывная волна от ракетных разрывов.

На позициях «духов» месиво от вздыбленной земли, летящих камней и визжащих осколков. А мы туда еще и своего огоньку добавляем. Ответных выстрелов нет. С первого захода вертолеты «духов» накрыли. Пока вертолеты кружат, наша рота шустро поднялась – и бегом вниз, в долину, а миновав ее, уже вверх по склону другой горы, к расстрелянным позициям душманских пулеметчиков. Быстро карабкаются наши ребята. Есть! Уже на вершине такие маленькие, такие далекие от нас фигурки солдат. Есть! Прошли засаду! Нет у нас потерь. Ну и пилоты! Прямо снайпера!

Бывало и такое, что друг по другу из-за несогласованных действий били или по ошибке, а чаще всего – по раздолбайству. И потери такие несли, нашу роту это не коснулось, а вот иным подразделениям доставалось. А тут все прямо как по маслу прошло.

Ну все, пора к своим двигать. Встаю и смотрю на Филона, у него от химического дыма все лицо красное. Он на меня глядит и хохочет:

– Ты теперь точно красномордый!

Протираю лицо рукой, смотрю на ладонь: вся красная. Бью ногой уже пустой, но все еще чуть чадящий едким удушливым химическим дымом цилиндр.

Вот из-за этих густых, далеко заметных ярко-красных сигнальных дымов и возникла легенда о применении нашими войсками в Афганистане химического оружия. Не применяли, лично я о таком даже и не слышал, а слухам из «достоверных, но пожелавших остаться не названными, источников» не верю. Не было военной необходимости такое оружие применять, и обычным вполне справлялись.

– Повезло нам, ребята, – подходя к нам, говорит Витек, рядом с ним, счастливо улыбаясь, идет Герка.

Как же мы рады, что живы остались. Бешенным звоном забили тревогу «фибры души».

– Ложись! – кричу я, сам падаю и только потом слышу заунывный, противный вой летящей к нам мины.

Разрыв не вижу, только бьет по барабанным перепонкам сотрясенный взрывчаткой воздух, слышу такой противный, клекочущий вой осколков, чувствую резкий сильный удар – и дальше беспамятство темноты. Все так быстро произошло. Раз! Даже ахнуть не успел, и готово, ты уже труп.

Первое, что почувствовал, когда очухался, это дрожь в ногах, мокроту в штанах, и ужаснулся. Да неужто обоссался? Бывало такое не от страха, не приходя в сознание, раненые под себя прямо в штаны мочились. Потом бьет по нервам резкая, дергающая боль. Смотрю, кровь из левой ноги хлещет, течет и по штанам расползается. В ляжку меня долбануло. Сначала даже облегчение почувствовал, значит, не навалял в штаны. Может, и смешно, но это так. Поворачиваюсь на бок, выдергиваю из штанов узкий брезентовый брючный ремень – трэмпель, чуть привстав, накладываю повыше раны жгут. При ранении главное – кровью не истечь. И только потом осматриваюсь. Филон сидит рядом с лежащим Витьком и башкой мотает – жив. Герка, обалдев, смотрит на рацию, она вся осколками искорежена. Помню, до взрыва она у него на спине была, значит, уже разбитую снять успел.

– С Витьком чего? – спрашиваю я, пересохло горло, хрипят связки, и слова выходят из глотки тихие и как бы неуверенные.

– Сейчас перевяжу, – встав, идет ко мне Филон и на ходу разрывает индивидуальный пакет, достает бинт, присаживается рядом и начинает поверх штанов бинтовать.

– А Витька убили, – бесцветным голосом говорит он.

– Я уж понял.

– У меня промедол остался. – Вот уже и Герка подошел, достает шприц-тюбик и колет мне в ногу повыше повязки.

– Повезло Витьку, – тем же бесцветным тоном говорит Филон, – ему всю спину осколками посекло и позвоночник перебило, и крохотная ранка на затылке. Сразу отъехал, не мучился.

Разное оно, везенье на войне, бывает. Коли судьба такая, то лучше уж так, сразу. А так… даже если бы выжил Витек, то кому он потом с перебитым позвоночником да парализованный нужен-то был бы? Разве что матери. Может, и жене, но это вряд ли.

– Идти-то можешь?

Встаю, кровь уже не идет, боль промедол снял, кость вроде не задета, жить можно.

– Доковыляю как-нибудь.

Филон и Герка заворачивают Витька в плащ-палатку, примеряются, как нести.

– Если бы тебя вместо Витька грохнули, нам бы легче было, – скривился Филон, опуская на землю мертвое тело.

– Почему? – апатично глядя, как он возится с плащ-палаткой, интересуюсь я.

– Ты весишь меньше, – без улыбки, совершенно серьезно объясняет Филон.

Верно, веса во мне килограмм этак с шестьдесят пять, и то с учетом навешанной амуниции и оружия, а Витек, он здоровый парень, тяжелый.

– Да брось ты свою рацию, – советую я Герке, видя, как он, примеряя лямки, собирается надеть разбитую радиостанцию. – И так идти тяжело, а ты еще этот хлам тащить собрался.

Герка швыряет на землю рацию, мы ее расстреливаем, остатки на мелкие кусочки прикладами разбиваем: «Ну что, ребята, пошли?!» Как дошли, почти не помню, через пару метров нога разболелась, все сильнее и сильнее жжет и рвет рану, по всему телу резкая боль расползлась. Искры из глаз. А тоже не ляжешь, тащить некому, ребята Витька несут, им тоже несладко.

Все же дошли на ту высоту, где раньше пулеметные позиции у «духов» были. Наша рота уже ушла вперед. Меня и Витька возле штаба оставляют. Филон и Герка уходят. Мне батальонный фельдшер делает противостолбнячный укол, еще впрыскивает пару тюбиков с промедолом, накладывает новую повязку. У меня все как плывет перед глазами, мне уже все по херу. Скоро эвакуация, меня в госпиталь, Витька на вечный дембель. Рядом он со мной. Как же мне

тоскливо и хреново, ребята, вот и улыбаюсь. Вспоминаю рассказ Витька об отпуске домой. Он с первой женой разводиться ездил, это она на развод подала, вот его и вызвали на суд по повестке, заверенной военкоматом. Витька такой счастливый и довольный домой поехал, мы его всей ротой собирали: новенькая парадная форма; деньги все дали – ничего не пожалели. Развелся с одной и тут же на другой женился Витек. Вернувшись, он нам фотку показывал, хвастал, какая красивая у него вторая жена. Хотя уже не жена, вдова. Помнишь, Витька, как ты хохотал, когда нам про суд рассказывал? Я ведь тебя таким запомнил, ты для меня, Филона, Герки, для наших ребят из роты не груз «двести», а веселый, здоровый, русоволосый парень. А еще помню, как за минуту до разрыва ты сказал: «Повезло нам, ребята!» Повезло, только такое разное везенье на войне бывает.

Виктора Некрасова посмертно наградят орденом Красной Звезды. Филона, Герку и меня представят к медалям «За отвагу». Вот только… Мой наградной лист разорвет начальник политотдела – за то, что тремя днями раньше прямо во время проведения боевой операции я избил афганского солдата и офицера и отнял у них термосы с пловом.

Герке за то, что он не представил на списание разбитую рацию, объявят выговор. Начальник штаба батальона, капитан Эн, ходил лаяться к начальнику связи, выговор сняли, а наградной лист Герке так и не утвердили, Филон с нами за компанию пошел, его наградной тоже в штабе зарубили. Филон и Герка останутся живы, они вернутся домой без наград.

Сергей Филонов (Филон), Георгий Захаров (Герка), наша награда – что живыми остались. Наша награда – то, что не попал в засаду, в пулеметную мясорубку наш батальон.

А ты, Витек, прости за то, что я тебя на это задание выдернул, Муха должен был пойти. Вот только понимаешь, ты уже дважды был женат, а у Мухи девушки еще не было. «Имей совесть, Витек», – сказал я тебе. А совесть у тебя была.

Знойным маревом дымится воздух, от жары даже камни парят. От потери крови и вколотых лекарств я как в невесомости пребываю. И тут и не тут. Так где же, где же я? Как же я тут оказался, я же не хотел на войну, не хотел в Афган. Невесомо качает меня память и волнами наплывают воспоминания.

СССР – РСФСР. 1980 год нашей эры

– Сыночек, миленький! Я прошу тебя, не иди добровольцем в Афганистан, пожалей меня! – просит меня плачущая мама перед отправкой в армию.

Заплеванный призывниками двор областного военкомата. Тяжелый дух от водочного перегара и табачного дыма. Разноголосый гомон призывников и властные выкрики офицеров военкомата. Мат, песни и духовая музыка. Весна 1980 года. Весенний призыв.

В январе 1980 года советские войска уже вошли в Афганистан, а по стране гадюками поползли слухи об эшелонах с цинковыми гробами.

– Не бойся, мама, – обнимая ее за поникшие плечи, обещаю я, – не пойду.

Я обещал маме, что не пойду добровольцем и сдержал свое слово. Вот только судьбе и войне плевать на те обещания, что дают матерям их сыновья.

– Команда номер четырнадцать – восемьдесят пять! Строиться! – Усиленный мегафоном, звучит приказ. Это зовут и меня, я попал в эту команду, в десант.

Последние трогательно-жалкие поцелуи и… до свиданья, мама, не бойся, я вернусь.

Литовская ССР. Гайджунай. П/о Рукла, в/ч 42227
1980 Год от Рождества Христова
1401 год по хиджре – мусульманскому летоисчислению

Вспомни, десантник, дома, вдалеке,
Гайджунай зеленый, автомат в руке,
Как нам было трудно, только, зубы сжав,
Находили силы на последний шаг.

Куплет из песни. Автор неизвестен

Страна дождей, блядей и голубых беретов. Так в ВДВ именовали Литовскую Советскую Социалистическую Республику. Там дислоцировались две воздушно-десантные дивизии, одна строевая «Каунасская», а вот вторая: «Для всех людей Бог создал рай! Для нас – учебку Гайджунай!» – такая вот была полная бравады и удали поговорка в среде советской десантуры. Гайджунайская учебная дивизия воздушно-десантных войск, кузница младшего командного состава для ВДВ. Вот туда-то я и попал в начале своей службы. Первое отделение первого взвода, первой роты, первого батальона 301-го учебного парашютно-десантного полка – в/ч 42227. Курсантов учебки на жаргоне звали просто – курки. Из нас предполагалось готовить командиров отделений для десантно-штурмовых бригад. Трети выпускников предстояло отбыть в Афган, и нас к этому готовили. Да, под такую мать! Так готовили, что меня до сих пор тошнит.

***

Дорогая мамочка!

У меня все хорошо, я жив и здоров. Не беспокойся за меня. Кормят тут отлично, казармы со всеми удобствами. Командиры добрые и заботливые. Занятия много сил и времени не отнимают. Вечером смотрим телевизор или ходим в клуб смотреть кино. Времени для отдыха и сна вполне достаточно. В нашем учебном подразделении готовят сержантов для войск стран Варшавского договора. Так что не волнуйся, в Афганистан я не попаду. И еще одна новость: всех, кто имеет подготовку парашютиста, от прыжков освободили. Так что больше мне с парашютом прыгать не придется, можешь не переживать, я не разобьюсь. Посылки часто отправлять не надо, деньги тоже. На присягу ко мне не приезжай.

Целую, твой сын.

Если театр начинается с вешалки, то настоящая служба в армии начинается с пиздюлей. Ну а для меня служба в десанте началась с того, что я вдоволь напился пива.

– Эй, курок! – окликнул меня рослый сержант, когда я с интересом оглядывал казарменное помещение роты, куда нас привели после распределения. Добродушно улыбнувшись, он предложил: – Пивка хочешь?

– Не откажусь! – не подозревая подвоха, сияя ответной улыбкой, согласился я.

«Вот оно, боевое братство десантников! Вот она, настоящая служба!» – размечтался я. Все точь-в-точь как в книжках написано. И тут же получил сокрушительный удар по почкам и по романтизму.

– Удар по почкам заменяет кружку пива, – все еще улыбаясь, пояснил мне командир отделения.

– За что?! – возмущенно закричал я. Было не столько больно, как обидно.

– За знакомство, – получил лаконичный и исчерпывающий ответ. – Еще хочешь?

Конечно, захотел, парень-то я был, что называется, «борзый». Кинулся в драку, хлебнул «пивка» вволю, да два наряда вне очереди.

Ну, здравствуй, первая учебная рота триста первого полка. Будем знакомы, тумбочка дневального по роте.

Приветствую вас, засранные, но обязанные сиять чистотой солдатские сортиры и самое любимое, просто легендарное очко армейского унитаза, «очко номер восемь». Ох и часто же мне с вами придется встречаться!

Трудная, но почетная, исполненная сурового романтизма служба в десанте. Строгие, но справедливые командиры, верные друзья рядом. Прыжки с парашютом, рукопашный бой, стрельба, тактика, рельефная мускулатура, гордый взгляд, голубой берет и восхищенные взгляды благодарных соотечественниц.

Как бы не так! Или по-военному «хрен вам в зубы». Ничего общего с этой пропагандистской ерундой армия не имеет.

– Выше ногу! Шире шаг. Я сказал: выше, – фонтаном хлещет по полковому плацу заливистая матерная ругань. – Носочек тяни под такую… разэтакий! Я тебе… наизнанку выверну. Как подходишь? Раздолбай! Еще раз! – командует, как рычит, на строевом плацу сержант.

Разлинованный по белым квадратам черный заасфальтированный полковой плац. Разбитая по отделениям рота три часа отрабатывает строевые приемы, без оружия. Строевой шаг, выход из строя, подход к начальнику, отдание воинской чести в движении. Горят подошвы кирзовых сапог, стерты ноги в неумело накрученных портянках, все тело ломит усталость, а до обеда еще долго, на перекуры даже и не рассчитывай.

– Выше ногу, шире шаг, под такую мать, мы вас научим, как родину любить, и вы…м и высушим! – командуют марширующими по плацу курками вконец обнаглевшие от полной безнаказанности сержанты.

Это строевая подготовка, исключительно важная для ведения боевых действий вещь. Нам же придется к противнику строевым шагом подходить. Грудь вперед, живот втянут, чеканя шаг, подходим к душману: «Товарищ душман! Разрешите по вам выстрелить? Есть, лечь трупом! Разрешите выполнять?!»

– Рота-а-а! Смирно! Ша-а-агом марш…

Идет рота прямо с плаца в солдатскую столовую, стараются, чеканя шаг, курсанты. Жрать охота, аж сил никаких нет, слюни кипят, всей душой летишь к горячим кастрюлям, а телом:

– Рота, смирно! Равнение – налево!

Проходит строй курсантов мимо взводного офицера, очень стараются новобранцы-курки, держат равнение на командира. Недовольно морщится невысокий, давно пересидевший в должности командира взвода офицер, плохо, просто похабно для строевика идут воины-десантники.

– Вы что мало их сношали? – сурово укоряет товарищ старший лейтенант сержантский состав.

– Будем их в личное время тренировать, – уверенно обещают сержанты, – так вые…м курков, что через пару суток можно хоть на парад этих долбоебов отправлять. Таких тонких, звонких и прозрачных.

Взводный удовлетворенно кивает головой, у нас в роте такие младшие командиры, что слово с делом у них не расходится. Обещали зае…ть, значит, зае…т.

– Рота, стой! – коротко и властно командует офицер.

Замирает перед входом в столовую строй, бьет фонтаном желудочный сок, голодный урчит желудок.

– Ро-о-ота! Слева в колонну по одному, для приема пищи… бего-о-ом марш!

Ну вот и обед, пожрем, чуток передохнем и с удвоенными силами побежим учиться любить родину.

Как кормили? Да в общем-то нормально. Непривычно после домашних разносолов, а так ничего. За столом не едим, заглатываем пищу. Быстрее, быстрее забить желудок. В моей алюминиевой тарелке остается здоровенный кусок вареного свиного сала, такое противно-жирное на вид. Знаю: если не съем его, будет мучить голод весь оставшийся день. Закрываю глаза и, не жуя, с трудом пропихиваю в пищевод кусок. Провалилось сало в желудок, можно открыть глаза.

С интересом наблюдаю за соседом, он аварец, призван из горного аула в Дагестане. Уже второй день, как он отказывается есть свинину, а его никто и не заставляет. Не хочешь? Ну и не надо! Сегодня пошел третий день его службы. У аварца закрыты глаза, на лице гримаса мучительного отвращения, во рту кусок вареного сала, с губ капает жир. Да, голод не тетка! Через неделю он, принимая пищу, уже не закрывал глаза, не морщился, а с вожделением прожевывал балтийскую свининку и шарил взглядом по столу: «А нет ли добавки?»

Послеобеденный приказ родины строг: «Час времени – и чтобы все блестело! Время пошло! Какие веники? Курсант! Ты что совсем оборзел?! Наряд вне очереди. И ручками, ручками все говно убираем!»

Исполняя свой конституционный долг, убирали территорию части ручками. Быстро узнали, что означает подлинная служба в легендарных войсках, тех самых, которые сразу и воздушные, и десантные.

Любит наша родина-мать свою армию, а армия ее сыновьям взаимностью отвечает. Вот только любовь в армии она особенная, это суровое мужское чувство. Не зря так часто солдаты нежно и ласкательно называют своих командиров «пидорасами» и, обессилев от настойчивой войсковой любви, напоминают им: «Ну как же вы нас зас…ли!» А уж такая романтичная эта любовь, а уж такая разносторонняя, куда там Камасутре.

– Будем вести активную половую жизнь! – ласково призывает к нежной армейской любви дежурный по роте.

В строю я в первой шеренге стоял. Вот дежурный выражение моего личика и заметил:

– Чего лыбишься, курсант? – Это он меня спрашивает и с похабной улыбочкой выдает главную военную тайну нашей армии: – В армии не вы е…те, а вас е…ут, а кроме того, полы в казарме должны блистать. Товарищи курсанты! – Это он уже ко всей роте обращается. – Не о п…де надо думать, а о службе. Ро-о-ота! Встать раком! Шевелите костями! Работайте одновременно тазом, ручками и ножками.

Это после ужина уборка казармы, штык-ножами мастику на полах соскрести, новую наложить. Над тумбочкой дневального повешены большие часы. Время уже 22.00 по распорядку дня – отбой. А мы не успели все сделать. Ах, вы не успели?! Родной! Так у тебя вся ночь впереди, успеешь.

Полы блистают и воняют свеженькой мастикой, солдаты шатаются. Новые сутки уже пошли, а прежняя суточная служба еще не закончилась, армейским дятлом долбит по мозгам новый приказ:

– Ро-о-ота! Сорок пять секунд – отбой!

Два часа ночи. Рассыпается строй, замотанные «половой жизнью» курсанты летят к кроватям, на ходу срывая одежду. Горит в руке у дежурного по роте спичка. Успеем скинуть одежду и лечь под одеяло, прежде чем огонек чуть обожжет сержанту пальцы, отдохнем. Не успели? Подъем!!! Будем тренироваться!

– Ро-о-ота! Сорок пять секунд – отбой!

Четыре часа ночи, натренировались до упора, не только в сорок пять секунд уложились, перекрыли норматив. Залегли по койкам. А через два часа, ровно в шесть, ревет дежурный по роте:

– Ро-о-ота! Подъем!!! Выходи строиться! Форма одежды номер два, для особо тупых объясняю – трусы и сапоги. Построились?! Рота… бегом… марш!

Больше половины учебного времени мы занимались уборкой казармы и территории и другими столь необходимыми для военной подготовки хозяйственными работами. Ходили в наряды по роте и караулы, наряды по кухне, наряды… наряды, сутки без сна, одна работа под бдительным матерно-кулачным надзором сержантов. Нагрузки большие, пайка скромная, жрать и спать хотелось постоянно. А командиры тебя все любят и любят и никак не уймутся. Знаете, что такое командирский армейский оргазм в мирное время? Это блистающая территория части, сияющие чистотой казармы и шагающие строевым шагом курсанты. Еще наслаждается командир от вида выровненных по ниточке коек, отбитых кантиков на застеленных одеялах, от туго перетянутых ремнями талий курков и зеркально-чистых кирзовых сапог. Вот потому-то постоянно и сношают чающие оргазма командиры личный состав, не со зла, а исключительно по любви. Военная любовь к подчиненным частенько заменяет командирам все другие аспекты этого прекрасного чувства, в том числе и любовь к прекрасному полу.

Нет времени для жены, но оно всегда найдется, если надо хорошенько вздрючить личный состав. Процент разводов среди офицерских семей зашкаливает аж за восемьдесят процентов. Рыдая или матерясь, а часто делая и то и другое, уходили и уходят офицерские жены на дембель, не в силах вынести преданность мужа-офицера армейской любви. Правда, есть исключения, ну вот хотя бы командир первой учебной роты. Приехала сестренка проведать братика-курсант а, а командир с первого взгляда влюбился и законным образом женился на ней и сразу помягче стал, подобрей, поспокойнее. Сношать личный состав перестал, утренние злоебучие кроссы проводить прекратил, берег, значит, силы для более важных дел. Спасибо тебе, сестренка, не раз личный состав первой учебной роты тебя добрым словом вспоминал.

Зато вот заместитель командира первого батальона, вот тот да, он был самый настоящий офицер в самом хреновом смысле этого слова. После третьего развода он весь без остатка отдался службе – и днем и ночью курков долбал. Самое доброе слово, самое ласковое признание из его уст звучало так: «Ты! Жертва пьяного аборта, ты как стоишь? Или стой по уставу, или я тебя раком поставлю!» А уж в гневе такое вытворял, рассказать страшно, а гневен он был часто, особенно с похмелюги. Ну а солдат? Так вот, отдаться душой и телом командиру – это «почетный долг и священная обязанность каждого гражданина». Такой вот закон в Конституции прописан. Правда, вместо статей Конституции, укрепляя свой дух, постоянно читали курсанты военную молитву: «Нас е…т, а мы крепчаем!»

Мое первое впечатление от армии? Она, «непобедимая и легендарная», грозит врагу и готова его победить только образцовой чистотой территории и казарменным порядком в воинских частях и собирается ходить в атаки исключительно строевым шагом.

Военной подготовкой тоже занимались, вот только на нее времени немного оставалось.

Бегом марш!!! Это мы с полной выкладкой бежим на стрельбище. Потные, грязные, зае… ные. Отстрелялись?! Бегом марш!!! Это назад, в расположение. Вспышка справа! От приказной «вспышки ядерного взрыва» падает в грязь рота. Отставить! Не уложились в норматив. Ро-о-ота! Газы!!! Резиновая маска, гофрированный шланг, пот и сопли заливают сжатое противогазом лицо, с хрипом входит и выходит воздух из легких. Бегом марш!!! Не хватает воздуха, заплетаются ноги, оттягивает плечо и бьет прикладом по заднице опостылевший ручной пулемет. Это кто там такой умный, что клапан в противогазе убрал? Еще пять километров! Ро-о-ота! Газы!!! Бегом… марш!

Рота! К бою!!! Это уже тактика, бегаем по полю, ползаем по-пластунски, в составе роты, в составе взвода, в составе отделения. А погода в Литве сырая, дождливая, месим грязь, мокнем под дождем, зуб на зуб от холода не попадает. Замерз, курсант? Ничего, милый, сейчас согреешься! А ну бегом марш! И опять, то резвым галопом, то обессиленной вихлявой трусцой по сырым лесам, ползком по болотам. Сами грязные, мокрые, оружие в грязи. И матерная

ругань, без остановки, на другом языке в армии не говорят, не уложились, не успели, все снова. Рота! К бою!!!

После каждого выхода из казармы с оружием, по прибытию в расположение его чистка. Чистишь, чистишь распроклятый пулемет РПКС-74, а пороховой нагар все остается и остается, то тут, то там пятнышко. Крохотное оно, это пятнышко, а вот пинков и отжиманий от пола за него столько получишь, что разом проклянешь изобретателя пороха, создателей огнестрельного оружия и весь младший командный состав как роты, так и всего ВДВ. Положено оружие ветошью и оружейным маслом чистить. Не очищается въевшийся в оружейную плоть нагар? Стань преступником, стань убийцей, но оружие должно блестеть. Достаешь наждачную бумагу, отскабливаешь въевшуюся в металл пороховую копоть, оружие сверкает, а ты сразу и преступник («Идиот! Тебе сколько раз повторять, что это запрещено?!»), и убийца («Технический срок использования оружия сокращается. По существу, использование при чистке вооружения песка, наждачной бумаги, напильников и т. д. это для стрелкового оружия – убийство!»). Это, конечно, так, все это верно, и мы это давно знаем, но зато оружие чистое – и втык ты не получил. А что, по-вашему, важнее? Срок службы твоего пулемета (век бы его, проклятущего, не видать) или то, что тебя за крохотное пятнышко в газовой камере или на газовом поршне, отмудохают, как бог черепаху, плюс еще пару нарядов влепят?

Личная гигиена солдата – это тоже дело государственной важности, не такое серьезное, как чистка оружия, но все же…

– Ты что, чмо? – прямо в лицо орет мне побагровевший от возмущения командир отделения. – Ты почему, урод, форму не постирал?

А форма у меня после занятий на стрельбище, тактических учений и впрямь грязная. Набегался по грязи, наползался по болотам. С чего же ей чистой-то быть? Только-только чистку оружия закончили, не успел я ее в порядок привести.

– А ну пошел! – продолжает орать, чуть ли не срываясь на визг, сержант. – Минута времени тебе, и все постирать. Бегом марш!

Вода в умывальнике холодная, мыло хозяйственное, таз один на троих и минута времени всю одежду постирать. Выстирал, кое-как прополоскал, отжал, все мокрое, сменной одежды нет. Одевайся, курок, отведенная тебе минута времени уже давно истекла. Во влажном, одетом на худое дрожащее тело х/б бегом на строевую подготовку, на промозглый балтийский ветер, под неласковое, негреющее литовское солнце. Грейся строевым шагом, товарищ курсант, и суши своим телом одежду.

Баня один раз в неделю, тогда же смена нижнего белья. На сто курсантов выдают девяносто комплектов. Не щелкай клювом, воин, а то без трусов останешься. Быстро ополоснулся – и бегом за бельем. Не досталось? Сам виноват! И еще один наряд вне очереди. Баня в эту неделю не работает? А мы вас, товарищи курсанты, по-десантному помоем.

Как? А вот так! Ро-о-ота! Газы!!! Надеть гондон! Курсант, да ты просто болван! Нечего так ухмыляться, в армии гондон – это ОЗК, общевойсковой защитный комплект. Застегнуть все клапаны. Надеть противогазы. Застегнули, надели, и каждый курсант весь в резине, как правильно одетый презерватив. Любое СДЯВ[11], а заодно и кислород, для тела теперь недоступен. А вот теперь: бего-ом марш! Пять километров бегом в резине, уже через сто метров потеешь, как в парной. Пока бежишь, не ручьем – водопадом пот с тебя хлещет. Прибежали к лесному ручью, сняли ОЗК, распаренные, мокрые – в ледяную воду. Помылся, выходишь, а кожа аж как после парилки хрустит. Такая вот была спецсауна ВДВ.

А вот и физическая подготовка, вот сейчас-то нас и начнут учить рукопашному бою, станем мы самой всамделишной десантурой. Мы ж для этого сюда напросились, мы ж дома

[11] СДЯВ – сильнодействующие ядовитые вещества.

потом хотим повыделываться. Раз удар! В крошево разлетается кирпич. Два удар! Десятками вялятся супротивники. Учите нас!

– Ро-о-ота! Бегом марш!!!

Как?! А то мы мало бегаем? Утром кросс. На стрельбище бегом, на тактике бегом. Все бегом. И вот опять кроссовый марш-бросок на тридцать километров.

– За что? – прямо из души летит полный муки стон.

– Во-первых, не что, а за х…й! – Получаешь военный ответ. – А во-вторых, товарищ курсант! В десанте не ходят, в десанте бегают!!! Бего-о-ом… Марш!

– Товарищ старший лейтенант! Разрешите обратиться?

Это из меня еще не всю романтику выбили, вот полез на глаза к ротному командиру с дурацкими вопросами.

– Слушаю вас, товарищ курсант. – Командир учебной роты, весь такой бодрый и энергичный молодой офицер в спортивном костюме, со скукой посмотрел на меня.

Марш-бросок и кросс – это были его любимые упражнения, он их всегда, пока не женился, лично проводил. Мастер спорта по офицерскому многоборью, оно же спортивное пятиборье, сам бегал, как лось, и нас до потери пульса гонял.

– А когда нас будут учить рукопашному бою? – скромненько спрашиваю я и с робкой детской надеждой смотрю на товарища старшего лейтенанта.

А вот возьмет и отменит кросс. Он же командир! Да будет показывать нам суперприемы из богатого, зубы и кости дробительного арсенала ВДВ. Стоявшие рядом со мной курсанты настороженно прислушивались. Сержанты зловеще ухмылялись.

– Курсант, – спокойно объясняет офицер, переминаясь с ноги на ногу и разминая таким образом связки и сухожилия, – у меня в училище[12] был начальник курса, он еще во Вьетнаме военным советником служил, так вот он любил нам рассказывать такую историю. Крохотный, щуплый вьетнамец в одиночку в бою завалил семь двухметровых янки – зеленых беретов. Когда его спросили, как он это сумел, этот похожий на рахитичного подростка воин пожал плечами и ответил: «Все очень просто, я лучше стреляю». Ротный заметно повысил голос, это как сигнал «слушайте все»:

– Товарищи курсанты! Вам все понятно?

Мы, полуголые (форма одежды – голый торс), стоя под мелким противным дождем, подавленно молчали. Все понятно, от бега не отвертеться, а огневой подготовкой так уж точно насмерть задолбают.

– Ро-о-ота! Бего-о-ом… марш!

Побежали, а куда деваться бедному солдатику первого месяца службы. Сопели, задыхались, на бегу блевали, но бежали. Падали, вставали и опять бежали.

За то, что я упал во время кросса и еле-еле вихляющей трусцой последним приплелся к финишу, меня уже в казарме приговорили к казни на электрическом стуле. Вытянуть руки прямо над головой и сложить ладони. Согнуть ноги в коленях и опускать туловище до тех пор, пока бедра не станут параллельны полу. Выполнил? Вот и сиди теперь как на воображаемом стуле. Через пару секунд напряженные мышцы ног начинает заметно потряхивать, ощущение, как будто через тебя пропустили электрический разряд. Чем дольше «сидишь», тем сильнее напряжение «тока», и трясет тебя все сильнее и сильнее. Валишься на пол – пинками тебя поднимают и снова сажают на «электрический стул».

Уткатасана – сильный, яростный, неровный – так это упражнение называют йоги и рекомендуют его выполнять не более тридцати секунд. Мы не йоги, мы десантники, и потому минимальный срок казни на электрическом стуле – пять минут. Мой личный рекорд – это пятнадцать минут выдержанной пытки «электричеством».

---

[12] Рязанское высшее воздушно-десантное командное дважды краснознаменное училище им. Ленинского комсомола.

Еще был у нас воспетый в солдатском десантном фольклоре и военных былинах тренажер силы, духа и воли «Ебун-гора».

Ох и нае…лись же мы на этой самой горе по самое «не хочу». Это даже и не горка, а глубокий овраг, а вот подъем из него крутой. Этак с часок побегайте по «Ебун-горе» вниз-вверх, так она вам круче Эвереста покажется. А когда совсем нет сил бежать, то шагом по ней ходят, только шаг не простой, а «гусиный», то есть вприсядку. Вот такое в основном физическое воспитание было. Еще на турнике занимались, на параллельных брусьях болтались, постоянно выполняли самое любимое армейское упражнение: «Упор лежа принять! И на счет раз начали…». Вот и все, собственно. Могучих мускулов я не накачал, зато уже через месяц службы стал «тонкий, звонкий и прозрачный».

За перенесенные муки каждому десантнику, начиная прямо с даты принятия присяги, бронируется место в раю. Даже песня такая есть:

И воскликнул Господь:
«Дайте ключи!
Отворите ворота в сад.
Я приказ даю —
От зари до зари в рай принимать десант»[13]

Так вот рай в десанте – это ПДП, парашютно-десантная подготовка. Укладка парашюта перед прыжком – красота, команды понятные, толковые. Выполняешь их с полным осознанием их необходимости. Выполнение каждой команды по укладке купола трижды проверяют, командир взвода, заместитель командира роты по ПДП и командир роты. Даже если ошибочка вышла у тебя по укладке, поправят. А уж прыжки – это вообще праздник в раю!

Думаете, такие мы смелые и отважные и, как в песне поется: «Небо нам, небо нам родимый дом»? Нет, просто многие понятия в армии меняются. Парашютные прыжки – это нет никаких работ, строевых занятий, вечного «бегом марш» или «упор лежа принять». Ночью, боже упаси, чтобы курка побеспокоили, сон полноценный, ровно восемь часов. Перед восходом солнца подъем и плотный завтрак, парашюты со склада получены еще вчера, до утра под охраной дневального ждут в помещении роты. На рассвете погрузка в комфортабельные автобусы, пока до военного аэродрома едешь, на сиденье, как белый человек, можно и вздремнуть. На летном поле распределили по бортам[14] и потокам. Погрузка в военно-транспортный самолет. Набор высоты. Легкое приятное волнение. Сигнал: «Приготовиться». Встали потоками в затылок друг другу. Открыт десантный люк. Завыл по фюзеляжу самолета ветер. Пошел! Бегом по фюзеляжу самолета. Ахнул вниз. В свободном парении считаешь секунды до открытия парашюта: «Пятьсот один, пятьсот два, пятьсот три!» Кольцо! Рвешь кольцо парашюта. Раскрылся купол. Туго натянуты стропы, чуть давит на тело хорошо подогнанная подвесная система. Летишь! Летишь!!! Лепота. Приземлился, погасил купол, отстегнул подвесную систему, собрал парашют в сумку. Все!

И пока весь полк не отпрыгал, никто тебя не трогает, лежишь на спине, небом любуешься, отдыхаешь. Эй, курсант! А в десанте за прыжки платят. Получи прыжковые три рубля, распишись в ведомости. Иди на эти три рубля купи чего вкусненького. Выездной солдатский буфет, «булдырь» на жаргоне, уже на поле. Покупай, чего душа изволит, и кушай, родной, отдыхай, сегодня у тебя праздник. Рай! Сравните это с многокилометровым бегом в противогазе, да еще постоянно «вспышка справа», «вспышка слева». Вот и понятно будет, почему прыжок с парашютом – это рай для десантника. Тут каждый день прыгать согласишься, невзирая на проценты

[13] «Баллада о парашютах», автор стихов и музыки М. Л. Анчаров.

[14] Борт – служебное техническое наименование военно-транспортного самолета.

нераскрывшихся парашютов. Бывает, конечно, что и не раскрываются купола, но редко. Если статистику взять, то больше шансов под машину на улице с оживленным движением угодить, чем разбиться при прыжке в нормальных условиях, на нормальном оборудовании.

Не успел я еще присягу принять, а военную службу, уже до донышка, до самой распоследней капли понял. Для солдата что главное? Кто служил, сразу скажет: «Сачкануть, пожрать и поспать». Для командира что главное? Заставить солдата работать, кормить в меру, голодный солдат – это злой и инициативный воин, а именно такой родине и нужен. А спать? Спать, милые, дома будете, если до дембеля доживете.

Военную службу я невзлюбил, и она отвечала мне тем же. Поняв ее, родимую, до самой сути, стал я вовсю сачковать, думал исключительно о жратве, а не об уставах, старался побольше поспать, умудряясь это делать даже стоя в наряде на тумбочке дневального. В своем соревновании с армией я проявлял и развивал в себе именно те качества, которые мне потом не раз пригодились в Афганистане. Решительность, настойчивость, умение маскироваться, умение вводить противника в заблуждение, готовность любыми мерами обеспечить себя пищевым довольствием. Но в то время солдат я был совсем неопытный.

Мою маскировку легко раскрывали, в заблуждение командиров вводить не особенно получалось, вот и огребал я нарядов вне очереди и других, но уже неуставных педагогических мер и приемов военного воспитания по полной программе. Но попыток объегорить и объехать на «сраной козе» своих командиров не оставлял, проявляя похвальную настойчивость. Посему, говорю это без ложного стыда, был я в учебной роте самым хреновым курсантом, а в солдатском ранце (РД – ранец десантный) носил не маршальский жезл, а прятал украденные на кухне сухари и сахар. Что было, то было.

До сентября служба шла, наполненная хоть какой-то, но все же боевой учебой. Научили стрелять, собирать и разбирать стрелковое оружие, действовать в составе роты, взвода, отделения, малой боевой группы. Преодолевать полосу препятствий, ходить строевым шагом, десантироваться с воздушной и наземной техники. Зазубрили уставы. Мирно дремали на политзанятиях.

Летом 1980 года в Москве проходили Олимпийские игры, умер Владимир Высоцкий, несли первые боевые потери наши части в Афгане. В восьмидесятых годах двадцатого века заканчивалась целая эпоха. Эпоха Советского Союза. Она заканчивалась бесконечно длинными очередями и всеобщим дефицитом, она заканчивалась больной экономикой, она заканчивалась неустанной ложью власти, которой уже никто не верил, она истекала кровью наших ребят в Афгане. Одна тысяча девятьсот восьмидесятый год был первым годом этой эпохи, первым шагом на пути в пропасть. Мы будем свидетелями и участниками последних лет этого уходящего времени. Это мы будем ее жертвами – предателями и героями или просто дезертирами. Но мы этого не знали, да и не могли знать. Да и что мы вообще могли знать? Тогда, летом восьмидесятого, наша жизнь и мироощущение сузились до казарменных границ, и постоянной военно-матерной музыкой звучало: «Упор лежа принять… Бегом марш… Носочек тянем… Ро-о-ота! Газы!!!» Окрики и добавления к командам: «Под такую вашу мать… вашу мать… вашу мать!»

Под эти слова неслышно, невидимо и пока неощутимо уходила эпоха и умирала страна, которой мы с оружием в руках присягнули на верность. И которую не смогли защитить и не захотели спасти. Но мы этого не знаем: сегодня, здесь, сейчас мы учимся защищать эту страну, мы еще верим, что исполним свой долг. И исполняли его, пока могли…

Что есть солдат? Солдат есть безропотная скотина, обязанная выполнять приказы своих командиров. Об этом тактично и уклончиво говорится в военной присяге: «Стойко переносить тяготы и лишения воинской службы», – и более ясно в дисциплинарном уставе: «Приказ начальника – закон для подчиненного». Еще солдат есть бесплатная, безответная рабсила.

С сентября курсантов стали припахивать на гражданские работы, то есть наша народная армия оказывала за бесплатно помощь народу в его труде на благо родины, но при этом еще и гарантировала этому народу свою защиту. Во как! Другой такой армии в мире не найти! Так нам с гордостью говорили замполиты.

Работы так работы, нам по… барабану, в общем. Уголек по ночам разгружали, траншеи копали, в колхозах картошку убирали, трудились-пахали вместо боевой учебы. Грех жаловаться, все лучше, чем по тем же полям с оружием бегать. Вот тут-то я и развернулся! Показал все, на что способен! Работать не работал, а уж жрал так, что за ушами трещало, и все норовил вздремнуть. Самогоночку дегустировал, сальцом закусывал, на белесых и дебелых литовских девиц засматривался.

Осенью, в самом начале октября, копаем мы отделением картошку на народном поле литовского колхоза. Наш командир отделения куда-то ушел, мы свободны. Раз надзора и вечных понуканий нет, то и работы нет. Поле после дождя мокрое, ветер зябкий, я, закутавшись в бушлат, сижу на корточках рядом с оцинкованным ведром, наполовину заполненным перепачканной мелкой картошкой. Маскируюсь, ввожу возможного наблюдателя в заблуждение, пусть думает, что я работаю, а сам в это время предаюсь предосудительной медитации. О доме думать бессмысленно, ни о чем другом думать не хочется, в общем, чистейшей воды медитация: мыслей ноль, тело расслаблено, время как отсутствует.

Чувствую, как в спину меня деликатно толкнули, не реагирую. Во-первых, лень двигаться, во-вторых, офицер или сержант деликатничать бы не стал, уж двинул бы так двинул, на всех остальных мне в состоянии углубленной медитации, почти в «самадхи» [15], было просто наплевать.

– Солдат? – с какой-то подозрительной неуверенностью спрашивает обошедший меня немолодой, седоватый и морщинистый мужчина. Судя по скромной рабочей одежде, акценту и манере поведения, типичный литовский хуторянин, в руке у него топор.

Я мигом вспомнил все слухи о том, что литовцы до сих пор режут советских солдат, и резво вскочил. Бац! Бью хуторянина ногой в пах, он загнулся и застонал. Выхватываю у него топор и торжествующе ору:

– Что съел, сука?! А вот х… ты десантника за так возьмешь!

– Не брать, не есть, – испуганно кричит хуторянин и закрывает руками лицо.

На мой вопль спешит подмога, это остальные бойцы нашего взвода по-десантному шустро выскочили из своих сладко-горьких дум и, разбрасывая кирзовыми сапогами черную полевую грязь, бегом спешат на выручку.

– Зачем тебе топор? – сурово допрашиваю я литовца.

– Дрова рубить, – пытается он ввести в заблуждение доморощенного следователя. Ну знаете ли! Я не зря еще до службы прочитал столько детективов, меня не обманешь. – Я что так похож на бревно? – с максимальным сарказмом спрашиваю я и грозно взмахиваю трофейным топором.

Подбежавшие товарищи с сильнейшей неприязнью смотрят на поверженного литовца. Понимаете, мы уже тогда наслушались от литовцев: «оккупанты», «захватчики», «русские свиньи». Хотя чисто русских у нас было в общем-то немного, в основном преобладали украинцы, белорусы, татары и представители многочисленных народов Дагестана, но, слыша слово «русская свинья», каждый понимал, что обращаются лично к нему, и очень сильно, до дрожи в кулаках, обижался на литовских «патриотов». В известном смысле мы тогда все, вне зависимости от национальности, были русскими.

Хуторянин, сраженный моей проницательностью и, вероятно, поставленный в тупик неопределенной формой вопроса, молчал. Мы стали оживленно обмениваться мнениями о

[15] Самадхи – последняя ступень в познании йоги, слияние с Божеством.

том, как лучше поступить: сразу его отмудохать или все-таки подождать командиров. Решили: сразу, но не до смерти и без видимых повреждений. Вмешалась баба и все испортила или наоборот? Она, тяжело дыша, прибежала от стоящего рядом небольшого хутора. Плотная, немолодая женщина, с обветренным красноватым лицом, одетая в потертую ватную куртку и обутая в испачканные навозом резиновые сапоги с короткими голенищами. Для начала она быстро вырвала из моих рук топор и сноровисто отвесила мне оглушительную оплеуху. Голова моя с хрустом мотнулась на тонкой шее, а форменная пилотка упала в грязь. Рука у женщины была тяжелой. Потрясенные курки замолчали и расступились. Хуторянин не торопясь вставал и все молчал. А вот она молчать не стала. По-чужеземному с ее уст зазвучали родные русские слова с прибалтийским прибавлением «скас». Пи…скас, х…скас, еб…скас. У «проклятых оккупантов» и «русских свиней» даже мысли не возникло заткнуть скандалящей бабе рот – ее не то что не тронули, с ней даже не спорили. Восемнадцатилетние курсанты, почти дети, эти «пи… скас», «х… скас», «еб… скас», потупив бесстыжие солдатские глазоньки, молчали и, не зная, что дальше делать, неловко переминались. Между тем под русскую бодро-матерную музыку в литовском исполнении хуторянин, встав, отряхнулся и медленно, как будто камни изо рта выплевывал, заговорил, а его баба тут же замолчала.

– Я хотел просить вас, – начал объяснять он свой приход с топором, – набрать картофель и принести в мой дом. Пять ведер от одного солдата. Я вас за это угощать. Кормить и поить.

– Что ж ты сразу не сказал? – добродушно спрашивает хуторянина мой сослуживец, здоровенный рыжеватый хохол из Донецка, Али-Баба. Вообще-то, его Грицком звали, Али-Баба – это прозвище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.